

18+

Нина Стожкова

ТАНГО СО СМЕРТЬЮ

БЕРДЕЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Нина Стожкова
Танго со смертью

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Стожкова Н.

Танго со смертью / Н. Стожкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Лине Томашевской пришлось сделать срочную операцию на сердце. В реанимации она невольно слышит спор доктора Мухиной с коллегой. Врачей заинтересовал пациент, недавно переведенный в другое отделение. Находясь все еще под действием наркоза, Лина забывает о странном разговоре, однако вскоре знакомится с пожилым вдовцом, дипломатом в отставке и приятным собеседником. Неожиданно дипломат исчезает из клиники, оставив Лине весьма странное поручение. Что заставило его срочно покинуть больницу? В чем причина странных смертей в клинике? Лина и ее давний приятель Валерий Башмачков начинают опасное расследование...Содержит нецензурную брань.

© Стожкова Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Чужие секреты	5
Старый друг лучше новых двух	10
Исчезновение	17
Водевиль с переодеваниями	21
Кочевники не плачут	26
Рискованная вылазка	28
Рыжий ангел в белом халате	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чужие секреты

– Ангелина Викторовна, просыпайтесь! Доброе утро! – прозвучал над ухом Лины приятный баритон с мягким акцентом.

Глаза упрямо не хотели открываться, словно веки были склеены особо прочным клеем. Что за бред? Голова чугунная, как в юности после бурной вечеринки. Ласковый, но твердый приказ открыть глаза повторился. Лина в ответ смогла лишь тихонько застонать. Трубка в горле, ведущая к аппарату искусственной вентиляции легких, не позволяла ни разговаривать, ни крутить головой. Хорошенькое дельце! Пытку молчанием ей никто не обещал.

Лина скосила глаза вверх и увидела лицо, наполовину закрытое медицинской маской. Над маской весело сверкали черные узкие глаза, а от самых бровей начиналась зеленая хирургическая шапочка.

«Омар Омарыч», – не без труда всплыло в отяжелевшей голове имя палатного доктора.

– Кивните, – властно потребовал Омар Омарыч. Лина еле заметно двинула головой вниз и в ту же секунду почувствовала смертельную усталость.

– Ангелина Викторовна, пожмите мне руку, – не отставал эскулап.

Лина изо всех сил попыталась сжать теплую руку врача, от которой исходили уверенность и сила, но крепкого рукопожатия не получилось. Рука отказалась подчиниться. Ладонь Лины бессильно упала на простыню.

– Уууу, что ж так слабенько? – пожурил Лину доктор. – Мдааа, Лина, вы еще не готовы дышать самостоятельно, и в палату вам пока рано. Лежите тихо, отдыхайте и сопите в трубочку. Да, не стоните вы так, в самом деле! Ну пробудете тут еще пару часиков, никакой трагедии в этом нет. Отдыхать – не работать. Честно признаюсь: придется вам до утра побыть в этом, с позволения сказать, санатории. В общем, отдыхайте, поправляйтесь, а я побежал в отделение. Я дежурю, дел, как назло, по горло.

Омар Омарыч растаял в воздухе, словно джинн из восточной сказки. Вокруг Лины воцарилась гнетущая тишина.

Лина попыталась пошевелиться, но поняла, что ее руки и ноги крепко-накрепко привязаны к койке. Нет, она так долго не выдержит. Пусть хотя бы ноги развяжут! Садисты!

Лина дождалась, когда у ее лица мелькнул чей-то белый халат, собралась с силами и дернула его за полу.

– Женщина, лежите тихо. Будете хулиганить – успокаивающий укол сделаю. Предупреждаю, в этом случае вы еще долго в свою палату не попадете.

Белый халат заговорил низким женским голосом. Лицо его обладательницы обреталось где-то в недоступных вершинах, и Лина не смогла его разглядеть со своей лежачей позиции, как ни пыталась.

Лина промычала в трубку что-то отдаленно похожее на «извините», и каблучки врачихи со стуком удалились. Лину осенило: здесь, как в концлагере, важно не разозлить «надзирательницу» в белом халате, потому что эта стерва имеет неконтролируемую власть над вверенным ей беспомощным и пока еще полуживым контингентом. Впрочем, бог с ней, с этим ефрейтором в мини-юбке под белым коротким халатиком. Сейчас главное вспомнить, как она, Лина, попала в это «заведение строгого режима».

Лина закрыла глаза и мучительно попыталась восстановить в памяти события последних дней.

Мысли сбивались и путались, в голове стучали колеса скорого поезда, он мчался все быстрее, набирая обороты. Скорость, тряска, удары на стыках рельсов. Резкие повороты... Баме! Поезд остановился... Лина вздрогнула, попыталась сжать кулаки. Руки неохотно подчинились. Впервые кулаки сжались почти до конца... И тут Лина вспомнила...

Вот она лежит на каталке голая, едва прикрытая тонкой простышкой, а палатный врач Омар Омарыч катит ее все быстрее и быстрее по бесконечному коридору операционного блока, увеличивая скорость с каждым шагом. Он, видимо, решил и сам размяться, и пациентку немного отвлечь в последние минуты перед операцией. Лина лихорадочно хватается руками за край каталки, чтобы не вылететь на крутом повороте. Еще не хватало грохнуть на пол, не доехав полпути до операционной! Не дождутся! Она еще с утра подписала все бумаги, дав тем самым согласие на рискованную операцию. Надо все это выдержать, чтобы потом жить дальше. Она сильная, она сможет...

На каталке Лине стало по-настоящему страшно. Она вдруг ясно представила, что будут с ней делать через полчаса, и почувствовала, что желудок уплывает куда-то в пятки. Затошнило, по телу побежали мелкие мурашки. Чтобы отвлечься, Лина принялась вспоминать любимое стихотворение Бродского:

«Дорогая, я вышел сегодня вечером
Подышать свежим воздухом, веющим с океана» ...

Строки у нобелевского лауреата длинные, и Лина не без усилий вспоминала некоторые слова, подменяла их другими, злилась на себя, подбирала правильные рифмы, с трудом продвигаясь дальше по шедевральной любовной лирике.

«Четверть века назад ты любила люля и финики,
Рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
Развлекалась со мной, а потом сошлась с инженером-химиком
И, судя по письмам, чудовищно поглупела» ...

Омар Омарыч, не снижая скорости, вкатил ее в просторную и довольно холодную операционную, ободряюще махнул рукой и исчез за дверью. Лина вздрогнула, но не прекратила вспоминать строки длинного стихотворения. Главное, не думать о том, что будет дальше.

«Время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии.
Я курю и вдыхаю гнилье отлива».

Лина закончила мысленно декламировать бесконечное, казалось, стихотворение Бродского и неожиданно успокоилась. Ее взгляд встретился с ободряющим взглядом операционной медсестры, и она почти задремала.

Вскоре явился молодой и тощий живчик-анестезиолог и принялся ловко и профессионально ее забалтывать. Попутно «на автомате», он делал свою кропотливую, однако давно ставшую рутинной, работу. Доктор длинными пальцами в перчатках подсоединял к Лине разнообразные трубочки и приборы и то и дело обещал, что все начнется еще очень и очень скоро. Внезапно он сказал: «Спокойной ночи», и Лина в ту же секунду рухнула в крепкий многочасовой сон.

Ангелина Викторовна Томашевская дала письменное согласие на операцию на открытом сердце, потому что выбора у нее, по сути, не было. Профессор Рустам Маратович Ренатов будничным тоном сообщил, что очередной сердечный приступ она скорее всего не переживет и что срочная операция на сердце – для нее единственный выход без скорого летального исхода. Лина сразу же согласилась с профессором (и вправду, тянуть уже было некуда), а дальше все происходило так стремительно, словно в клипе, прокрученном в режиме перемотки. Уже через две недели Лина оказалась в известной кардиологической клинике, в отделении неотложной хирургии, откуда на волю выходят только через операционную (ну, или, увы, через морг, о чем пациенты старались не думать), а еще через три дня она лежала на операционном столе...

Лина очнулась от длительного наркоза и обнаружила себя, слава богу, на этом свете, а конкретнее – в реанимации. Руки и ноги были связаны, во рту – дыхательная трубка. Впрочем, ей еще грех жаловаться. Проснулась, значит, жива. Жизнь продолжается! Самое страшное позади. Во всяком случае, теперь не надо представлять, как ее охлажденное и остановлен-

ное сердце лежит в ладонях знаменитого профессора Рустама Маратовича и как он, словно прославленный кутюрье, ловко сшивает его иголкой с медицинской нитью, оставляя на оторванном сердечном клапане ровный и аккуратный шов, как на платье «от кутюр». Позади, к счастью, остался и главный кошмар пациентов, о котором все шепчутся накануне операции. Больным мерещится материализовавшийся ужас – ручная пила, которой хирурги пилят кость грудины, чтобы вскрыть грудную клетку. Приехав на каталке в операционную, Лина с ужасом искала глазами это орудие пытки. Пилы, к счастью, нигде видно не было. Возможно, хирурги прячут сей инструмент подальше от испуганных глаз пациентов и достают из подсобки, когда больной уже глубоко спит на операционном столе.

«Я жива, и это главное», – еще раз мысленно поздравила себе Лина и снова забылась тяжелым сном.

Ее разбудил все тот же низкий женский голос.

– Надоели, блин! Как мне тут все остое...ло! – обладательница низкого голоса смачно выматерилась и с грохотом швырнула в лоток металлические инструменты.

– Да ладно, Муха, не нагнетай, – послышался резкий мужской тенорок.

– Каждый день одна и та же хрень! – не унималась дама. – Эти старые галоши, то бишь пациенты, все как один жить хотят, оперируются пачками, а мы – прыгай тут вокруг них, повязки меняй, капельницы ставь да мочу из мочеприемников выливай. Им, видишь ли, жизнь на старости лет продлить приспичило. Видимо, жирно живут, раз до сих пор не надоело. А мы, молодые и полные сил, не спим из-за них ночи напролет. Несправедливо, скажи, Костян? Медсестра на дежурство не пришла – так мы и за медсестру будем пахать тут до усрачки. Чего молчишь, Костян? Ты чо, задрых?

Тенорок буркнул что-то невнятное, и Муха потребовала:

– Просыпайся, Костян, сейчас же! Мне одной тут впахивать тошно. Начальство считает, хрен ли нам еще в этой гребанной реанимации делать, и накидывает на дежурстве разной херни, как грязи. Мол, клятву Гиппократ давали? Давали, блин! Значит, херачьте тут за себя и за того парня. А денежки нам этот хренов Гиппократ за переработку платить будет? Скоро начальство прикажет нам еще и полы в реанимации мыть. И будем мыть, как бараны, не сомневайся! Чего молчишь? Я права, Костян, или как?

– Права-права, – сонно проворчал Костян, но Муха не унималась:

– Начальству-то что? Лишь бы мы пахали за троих. Сплошная оптимизация и экономия. У них-то другие зарплаты. Зам. главврача на прошлом дежурстве так и сказал: кому, мол, не нравится, может отправляться на рынок картошкой торговать. А мы, дескать, людей спасаем, невзирая на личное время и должностные обязанности. Видал, Костян, за кого они нас держат? За крепостных, ясный пень! Нам, как дворовым девкам, можно приказать все, что угодно, и мы побежим наперегонки их хотелки исполнять. Еще и обосремся от счастья. А что? Я не права, Костян?

– Права-права, – привычно согласился Костян, видимо, так и не проснувшись.

– Между прочим, так вся жизнь пройдет, Костян, не успеем оглянуться. Мы с тобой, доктор Могильный, лучше других знаем, как отвратно выглядят голые старики и старухи. Брррр... Между прочим, сами через два-три десятка лет такими станем. А что мы вообще, блин, в жизни видели? Человек рождается для радости, а не для пахоты в этом аду до седьмого пота.

– У каждого чела, Муха, в жизни свой крест, – философски отозвался все тот же тенорок. – Ты ведь за каким-то лешим поперлась в медицинский? – Выходит, понимала, на что подписываешься. Да еще и в реанимацию после интернатуры сама же и напросилась, хотя прекрасно знала, что здесь вообще-то не сахар.

– Сам знаешь, тут за дежурства хоть какая-то надбавка к нашим копейкам полагается, да и вообще работа сменная. Удобно, – проворчала Муха, – отдежурил сутки и потом двое – «гуляй, Вася».

– Так чего ж ты, Муха, в натуре, ноешь? Медицина – не модельный бизнес. Тут в тренде – цвет крови. Вместо кружев и шелка – кровавые бинты и повязки. Вместо «Шанели» и «Диора» – запах крови и мочи. А коли хотела жизнь прожить, не напрягаясь, надо было не в меде мозги сушить, а богатого папика смолоду искать. Листаешь, поди, на дежурстве голимый глянец? Вот и я плююсь в него, чтобы не уснуть. Из этой тупой макулатуры я вынес для себя одно наблюдение. Оказывается, теток, ежедневно радующихся жизни, в Москве полным-полно. Нашли себе состоятельных папиков и целыми днями развлекаются. Им, блин, не надо в шесть утра вставать и на работу в переполненном транспорте ехать. Правда, папикам эти живые игрушки рано или поздно надоедают, и они производят «реновацию» – то бишь, меняют постаревших любовниц «в аварийном состоянии» на более молодое «мясо». Сейчас, сама знаешь, можно все купить. А уж содержанку – вообще без проблем. К тому же, по сравнению с их прочими тратами это не так уж и дорого.

– Эх, Костян, все в этой жизни надо делать вовремя, – вздохнула Муха. – Пока я в этом чертовом меде мозги учебной сушила да в ночную смену дежурила, тридцатник, блин, подкрался незаметно. А этим потрепанным любителям клубнички, сам знаешь, двадцатилетних дурочек подавай. Я для них – давно протухший товар. В общем, правильно говорят, что успехи в жизни женщины, как в спорте и в балете, бывают лишь смолоду.

– Да ладно, Муха, ты еще хоть куда! – подбодрил ее Костян. – Я-то видел не раз, как на тебя наши престарелые профессора заглядываются.

– Подумаешь! Нужны мне эти старые перцы! – фыркнула Муха. – у них ни фантазии, ни широты взглядов... Одна наука на уме. Да и денег у этих зануд все равно мало. По крайней мере, столько, сколько мне надо для нормальной жизни, нету.

– А сколько тебе надо? – поинтересовался Костян.

– Ну, сумма должна быть кругленькая, по крайней мере, с шестью нулями, – мечтательно вздохнула Муха, а еще лучше – с несколькими сотнями впереди нулей. – Во-первых, нужна нормальная просторная квартира, во-вторых, приличная иномарка, а, в-третьих, – деньжата на нормальную жизнь, чтобы не считать копейки.

– А что для тебя «нормальная жизнь»? – не отставал Костян.

– Пару раз в год на заграничный курорт смотаться, тряпок закупить брендовых, да мало ли что еще! В ресторан, например, зарулить, если готовить неохота, да хоть каждый день туда шляться, а не считать копейки во всяких «пятерочках» и «магнитах». В общем, если вдуматься, ничего особенного мне не надо... Просто хочу жить нормальной обеспеченной жизнью, как живут врачи во всем цивилизованном мире. Между прочим, в тех же Штатах кардиологи – элита, они живут в шикарных домах и отдыхают на лучших курортах. Насчет бабла вообще не парятся.

– Да, запросы у тебя не хилые, – хохотнул Костян. – С нашей российской зарплатой врача так не разгуляешься. Что ж, езжай в «цивилизованный мир», если здесь надоело. Сейчас это просто, чай не в совке живем.

– И что я там буду делать? Полы мыть за местными докторами? Или в течение нескольких лет, оставив все развлечения, зубрить экзаменационные билеты? И все для того, чтобы мой диплом подтвердить. А ведь он у меня и так с пятерками и четверками. Нет уж, фигушки! Хватит, выучилась. Жизнь-то одна! – возмутилась Муха. – И только от нас самих зависит, как ее прожить.

Лине было неловко оттого, что она невольно слушает чужие откровения, и она тихонько застонала.

Женские каблучки застучали в ее сторону. Врачиха взглянула на монитор рядом с Линой, что-то ей вколола и отошла в другой конец комнаты. Лина закрыла глаза, притворилась спящей и вскоре вправду задремала. Разбудил ее все тот же низкий голос с приятной хрипотцой.

– Помнишь, Костян, тут на днях один старикан лежал?

– У нас, Муха, молодых мало, в основном стариков после операции привозят, разве всех упомнишь? – неохотно отозвался Костян. Видимо, он тоже задремал и был недоволен настроем Мухи трепаться ночь на пролет.

– Костян, этот дед тогда под наркозом много чего болтал. Дескать, и квартира у него в центре столицы, и дом в Черногории, и иномарка крутая.

– Ну и что? – проворчал Костян. – ты-то какое отношение ко всему этому имеешь, Муха-Цокотуха?

– А я, Костян, между прочим, не такая тупая, какой ты меня считаешь. Заглянула в его историю болезни, а там в графе «родственники» и «кому звонить» – соседка вписана. Втыкаешь? Почему бы ему достойно не отблагодарить добрую «мать Терезу», то бишь меня? Этот дед вообще-то тяжелый, он должен в неотложной хирургии до сих пор лежать. Надо будет после дежурства к нему забежать. Типа проведать, как он оклемался. Могу еще гранатового сока или яблоч, вроде как из гуманизма, дедуле принести.

– Ежели он такой крутой папик, то твой гранатовый сок для него – просто тьфу, как для тебя вода из-под крана. Да и сиделку ему нанять ничего не стоит.

– Одно дело – сиделка, другое – молодая симпатичная женщина-врач, которая проявляет искреннее сочувствие и может оказать профессиональную помощь.

– Да ладно, Муха, губы-то не раскатывай: наркоз пройдет, и богатенький дедушка тебя видеть не захочет, – продолжал Костян. – Старики, они, знаешь, какие...

– Какие?

– Подозрительные и хитрожопые, вот какие! У меня дедуля был родной, царствие ему небесное, так он всегда, когда я из магазина жратву приносил, потом сдачу до копейки пересчитывал. Все боялся, что я его денежки «просру». А чего там «просирать»-то было, его пенсию копеечную, что ли! Так вот, Муха, богатенькие старики – они еще хуже моего нищего деда. Потому они и богатыми стали, что копеечку к копеечке всю жизнь складывали, Ленина к Ленину собирали. Втыкаешь? А вообще-то не мое это дело. Флаг тебе в руки, Муха! Охмурай любую старую развалину, если охота. Летай, как говорится, мухой по его стариковским прихотям! Будешь с этим старым перцем нянчиться до его могилы, а там и молодость пройдет. Между прочим, богатенькие старички и старушки, сама знаешь, обожают лечиться, денежки на врачей платные процедуры не жалеют и живут сейчас ох, как долго... Сознание Лины путалось, и, не успев толком осмыслить слова Мухи и рассуждения Костяна, она снова провалилась в долгий и беспокойный сон.

Старый друг лучше новых двух

– Ку-ку, кто-кто это в нашу палаточку приехал? Кто у нас на новогоднюю елочку похож?

Лиана с трудом разлепила глаза. Перед ней пританцовывала и порхала, как огромная моль, близкая подруга Люся, держа в каждой руке по объемному пакету. Люся зачем-то нарядилась в больницу, как на праздник. Наверное, решила взбодрить Лину после операции. В шелковой нежно-сиреневой кофточке и в черных брюках с атласными лампасами подруга обычно ходила в театр или в гости, во всяком случае, не трепала «парадную форму» по муниципальным заведениям и по больницам.

– А почему я похожа на елку? – растерянно спросила Лиана. Она по-прежнему туго соображала, наверное, действие наркоза еще не закончилось.

– Жаль, что ты себя сейчас в зеркале не видишь, – расхохоталась Люся. – Вся с головы до ног увешана капсулами и капельницами, и все они разного цвета. В общем, здравствуй, ёлка, Новый год!

Лиана увидела часы, висевшие над дверью, и сварливо поинтересовалась:

– А ты с какого перепуга ко мне ночью заявила? Еще только четыре часа утра...

– О боже, все как я боялась! Умом повредила... от длительного наркоза, – пробормотала Люся. – Лин, ты что? Уже вечер скоро, 16 часов!

Лиана попыталась вспомнить, сколько времени она провела в реанимации, что за врачи и сестры там были, но детали не складывались воедино, картинка постоянно рассыпалась на мелкие осколки. В память врезались лишь черные глаза Омара Омарыча, несколько раз нарисовавшиеся в изголовье ее койки, и теплая рука доктора, которую она пожимала с каждым разом все крепче и увереннее.

Люся почему-то решила, что ее главная задача – не давать Лине спать, чтобы мозги, отравленные наркотом, окончательно просветлели. Подруга уселась на стул и принялась развлекать Лину больничными байками и впечатлениями.

– Представляешь, у вас тут в отделении вперемешку женские и мужские палаты. Мужчины и дамы фланируют по коридору, беседуют в холле, в столовой кефир пьют. В общем, светская жизнь бьет ключом. Кавалеров полно, так что тебе не будет скучно.

– Ох, какие у старой елки кавалеры! – вздохнула Лиана. – Разве что какой-нибудь древний трухлявый дуб после шунтирования пошумит в холле ветвями.

– Когда сможешь ходить, первым делом подойди к окну. – не унималась Лиана. – Там внизу, прямо под твоим окном нарядили огромную елку. Она такая же красивая, как ты сейчас. Через две недели Новый год, ты не забыла? Доктор сказал, что тебя к празднику, возможно, домой выпишут. В общем, не унывай, подруга. еще станцуем танго на твоём столетии!

– Ага, танго в ритме сердца, – проворчала Лиана. – Мне теперь только танцевать и осталось.

Лиана с трудом осмыслила словосочетание «Новый год» и подумала, что и впрямь хорошо бы к тридцать первому выбраться на волю. Впрочем, какой уж тут праздник! Омар Омарыч предупредил, что восстановительный период после операции на открытом сердце – минимум полгода. Все это время желательно пореже ходить в гости и в театр, чтобы инфекцию не подцепить, в транспорте тоже ездить надо пореже. Главным маршрутом в ближайшие месяцы будет путь в медицинскую лабораторию – придется регулярно кровь на протромбин сдавать. Тоска, одним словом!

Люся заметила, что Лиана загрустила, и это ей не понравилось. Она не оставляла надежду исцелить подругу словом, как в какой-нибудь сомнительной телепередаче.

– Знаешь, что я сейчас случайно подслушала? – громким шепотом сообщила Люся. – Медсестричка и молодая врачиха сплетничали на сестринском посту про какого-то бывшего

дипломата. Этот господин лежит в твоём отделении. Он типа какой-то важный старый перец. В общем, не теряйся! – продолжала Люся гнуть свою линию. – Хорошую партию можно составить в любом месте, даже на похоронах, а уж в известной кардиологической клинике – тем более.

Лина слабо улыбнулась в ответ и помахала рукой перед носом подруги, давая понять, что все, она устала. Время посещения окончено. Слушать тараторившую и порхавшую рядом с койкой Люсю и тем более отвечать на ее глупости было пока еще невыносимо тяжело. Подруга обиженно замолчала, однако послушно направилась к выходу. Люся записала все просьбы Лины и сообщила, что прибудет послезавтра. Словом, она, как Карлсон, улетела, но пообещала вернуться.

– Милая, милая Люся! – вспомнила Лина симпатичный старый мультик и вновь провалилась в глубокий сон.

Дни в клинике тащились так медленно, словно само время, а не прооперированные пациенты пробиралось, держа капельницу на колесиках в свободной руке, по больничному коридору. На тумбочках у каждого пациента стояла бутылка с водкой – для протирки тела вокруг швов. Пациентка из Мурманска сказала, что в их местной клинике водка запрещена, поскольку моряки используют ее по прямому назначению, что кардиологическим больным очень опасно. Видимо, мурманские доктора изобрели у себя какие-то другие препараты для дезинфекции. Невзирая на подобные больничные разговоры, Лина чувствовала, что с каждым днем становится все крепче, и теперь не только ее голос, но и шаги звучат все увереннее. Постепенно она распространила свои вылазки до кабинета Рустама Маратовича в одну сторону и до столовой в другую. Омар Омарович ее маленькие «подвиги» поощрял и заставлял с каждым днем увеличивать время прогулок. В свободные от процедур часы Лина фланировала по длинному больничному коридору, поглядывая от скуки по сторонам. Подмышкой она обычно держала книжку, чтобы прочитывать хотя бы пару страниц во время кратких остановок, которые приходилось делать, восстанавливая дыхание.

– Добрый вечер, – поприветствовал Лину во время одной из подобных прогулок красивый старик в спортивном костюме. Она уселась в холле немного передохнуть, и незнакомец подкатил к ней в переносном и в буквальном смысле – он был в инвалидном кресле. Видимо, дедушка надеялся скоротать время за обычным в этих местах разговором – о том, что чувствует пациент перед операцией и после нее.

На лице незнакомца, бледном, как у большинства пациентов отделения неотложной хирургии, выделялись необычно яркие для его почтенного возраста синие глаза. Эти глаза смотрели на Лину с живым любопытством. Серебристые с голубоватым отливом волосы мужчины были аккуратно причесаны. Молния на спортивном джемпере была сверху расстегнута и на груди виднелся аккуратный марлевый лоскут, прикрывавший шов после недавней операции. Если бы не инвалидное кресло, мужчина вполне мог бы сойти за английского аристократа, присевшего отдохнуть после официального приема, чтобы выпить в гостинной чашечку кофе или выкурить сигару.

– Позвольте полюбопытствовать, мадам, что вы так увлеченно читаете, – приступил незнакомец к легкому больничному флирту.

– Виктор Пелевин, социальная фантастика, – неохотно оторвалась Лина от книжки. – Не думаю, что вам понравится. Так сказать, литература на любителя.

– А вы любитель подобных сочинений? – не отставал старик.

– О да! – призналась Лина. – Реальность во всех ее неприглядных видах давно меня не интересует. А вот в литературе фантастические идеи нередко бывают забавными и неожиданными, хотя сейчас писатели чаще пугают нас мрачными страшилками... В общем, сплошные антиутопии. Хотите, дам почитать?

– С удовольствием. Хотя бы полистаю наконец что-то новенькое, а то я что-то совсем отстал от жизни, – оживился любознательный незнакомец, аккуратно принимая книгу. – Все лучше, чем от безделья портить глаза и в планшет пялиться. Стыдно сказать: сижу весь вечер в социальных сетях и на политических сайтах, транжирю время, словно я подросток, открывший для себя порноресурсы... Политические новости, как вы догадываетесь, не способствуют быстрому выздоровлению. Особенно кардиологических больных. Да, позвольте представиться: Иннокентий Бармин, дипломат в отставке.

– Ангелина Томашевская, гендир в законе, – ответила Лина ему в тон. – Помимо администрирования в частной детской музыкальной студии преподаю там фортепьяно и вокал. А по сути – тяну на своем горбу эту убыточную частную компанию, потому что других дураков на должность гендиректора в нашей организации не найти. Сейчас все музыканты хотят заниматься «чистым искусством», в крайнем случае, педагогикой, и никто не желает ни за что отвечать, в особенности, за такие неприятные вещи, как финансы и налоги. Не говоря уже о детях, от которых можно каждую минуту ожидать чего угодно, и о наших педагогических чиновниках. У меня от их проверок и от бесконечных циркуляров министерства образования в последнее время голова идет кругом.

– И все-таки вы счастливый человек. Это же сплошное удовольствие – работать с талантливыми детьми! – оживился Бармин.

– Пожалуй, вы правы. А вот общение с инспекторами отдела образования, с налоговой инспекцией и с пенсионным фондом, – удовольствие на любителя, – проворчала Лина. – Другие сомнительные удовольствия – постоянный поиск спонсоров, а также площадок для концертов наших маленьких артистов, заказ костюмов, родительские собрания, ну и так далее... Увы, в любой профессии есть свои неприглядные и рутинные стороны. Впрочем, это еще не самое страшное. Печально, что наша студия при всех своих почетных грамотах и победах в конкурсах постоянно балансирует на грани банкротства...

– Где же меценаты? Где спонсоры? – картинно вознегодовал Бармин. – Неужели богачи не понимают, что у гроба нет карманов, а дети – наше будущее?

– Не хотят понимать, Иннокентий Михайлович. Все как один утверждают, что благотворительность – не их конек.

– Вот сволочи! – возмутился Бармин. – Мы же с вами пока еще живы, Ангелина Викторовна, и прекрасно помним, как нашим новым буржуям их фирмы и их денежки в девяностые достались. Ясно, что не в результате непосильного труда, громадных кредитов под грабительские проценты или интеллектуальных открытий. Будем откровенны – они разбогатели при помощи бандитского отъема средств у населения, а также в результате обманной приватизации, залоговых аукционов, захвата недр, скупки за копейки акций прибыльных предприятий и других богатств нашей несчастной и отнюдь не бедной когда-то страны. В общем, этим криминальным «бизнес-гениям» давно пора о душе думать, грехи замаливать и денежки не на яхты и футбольные клубы тратить, а на детей жертвовать...

– Все мои разбогатевшие знакомые вышли из комсомольских функционеров, поэтому у них крепкие нервы и эластичная совесть, – грустно отозвалась Лина. – Моральные нормы для них и в восьмидесятые ничего не значили, а теперь тем более не стоят ничего. Они, как говорится, каждый раз переобуваются на лету. Были коммунисты – стали капиталисты. В то время эти милые люди жили ради карьеры и номенклатурных льгот, а теперь вкалывают ради прибыли, то бишь для умножения капитала своих разросшихся семей. Вот и вся разница, вот и вся их мораль. Не удивительно, что мои скучные речи о том, что дети – наше будущее, эти господа встречают с циничной ухмылкой. У них свои дети и внуки, которым уготовано вполне себе прекрасное будущее, непохожее на наше с вами скромное прошлое.

– Бог даст, выберусь отсюда, тогда, может быть, смогу вам быть полезен. У меня, знаете ли, кое-какие старые связи остались. Я ведь всю жизнь в МИДе отпахал, много кого повидал,

много где побывал, много с кем шампанское на приемах пил. Короче говоря, не хочу выглядеть безответственным болтуном, но думаю, что смогу найти вам достойных спонсоров и инвесторов.

– А почему же вы при ваших связях и ваших должностях не в «Кремлевке» оперировались? – удивилась Лина. – То есть, не в бывшем четвертом главном управлении...

– Потому, что там «полы паркетные, врачи анкетные», – процитировал дипломат советскую поговорку и добавил: – А наш Рустам Маратович слывет лучшим специалистом по сердечным клапанам в Москве. Руки золотые, голова светлая... Те операции, за которые он берется, хирургам «Кремлевки» и не снились. Одним словом, я пришел сюда оперироваться только ради него. К тому же...

– Ого, что я вижу! Пациенты отделения неотложной хирургии неплохо проводят время! – мужской голос ворвался в их неспешную беседу так неожиданно, что Лина вздрогнула, впрочем, ворчливый баритон показался ей подозрительно знакомым.

Она обернулась и... оторопела. Старый приятель и одновременно бывший возлюбленный Лины Валерий Башмачков нарисовался рядом собственной персоной. Он стоял, обвешанный пакетами со снедью, и смотрел на нее с сочувствием и даже с подзабытой нежностью. Лина заметила, что Башмачков испуганно разглядывает ее повязки, капсулы и капельницы, не решаясь обнять.

Овна прочитала на лице бывшего бойфренда его метания и сомнения, рассмеялась и крепко пожала руку гостя своей рукой, свободной от капельницы.

– Башмачков, предупреждаю! Никаких поцелуев, они передают инфекцию! – с напускной строгостью сказала она. – Между прочим, за этим тут следят строго. Я вообще удивлена, как тебя сюда пустили.

– У писателей свои секреты, – приосанился Башмачков. – Представляешь, в этой клинике неожиданно обнаружили поклонницы моего творчества. Между прочим, автограф любимого автора на его книге открывает любые, даже крепко запертые двери.

Иннокентий Бармин пристально взглянул на нежданного посетителя, словно сфотографировал его взглядом, и Лине показалось, что Башмачков ее новому знакомому не очень понравился. Однако Бармин проявил деликатность и поспешил развернуть инвалидное кресло в сторону своей палаты. Прощаясь, старик поблагодарил Лину и неожиданно чмокнул ей руку, всю в синяках от уколов и капельниц:

– Спасибо за книгу, Ангелина Викторовна! Вы меня здорово заинтриговали вашим модным писателем. Надеюсь, завтра увидимся, а пока спокойной ночи.

– Что это за хрыч понтовый? – в голосе Башмачкова зазвучали ревнивые нотки. Он присел в кресло рядом с Линой, давая понять, что он тут на вполне законных основаниях и уходит пока не собирается.

– Иннокентий Бармин, дипломат в отставке, – сообщила Лина со значением. – Удивительный человек. Впрочем, здесь все мы – всего лишь пациенты, товарищи по несчастью. Этот достойный господин тоже восстанавливается после серьезной операции. Впрочем, в нашем отделении несерьезных операций не бывает....

– Видел я, как он «восстанавливается», – не унимался Башмачков. – В инвалидном кресле по коридору рассекает и посторонних теток клеит.

– Тебя такие пустяки все еще волнуют? – улыбнулась Лина. – Что ж, это даже трогательно, Башмачков Мы же договорились с тобой остаться друзьями и не портить нервы друг другу.

Ревность прежнего возлюбленного, с которым она рассталась год назад, неожиданно оказалась даже приятна. Лина внезапно почувствовала, как из бесполой пациентки, обвешанной капельницами, прорастает женщина, которой нравится кокетничать и вообще... нравится нравиться мужчинам.

«Как странно... Оказывается, заштопанное сердце умеет не только колотиться с переборами в ритме танго, оно не разучилось замирать от приятных воспоминаний, – подумала она с легким удивлением. Воспоминания внезапно обрушились на нее, словно прохладный водопад в душный день. На сердце стало весело и легко, как будто они встретились не в отделении неотложной кардиохирургии, а в Китае, в туристической поездке, как было несколько лет назад. Тогда, при первом знакомстве, мрачноватый писатель, человек не от мира сего, показался Лине забавным и несуразным персонажем. В самом деле, ну не станет же нормальный мужчина «за сорок» всерьез кропать готические романы с убийствами на кладбище и романтическими свиданиями героев в склепах. Потом судьба несколько раз сводила Лину с Башмачковым с завидным упорством, словно действовала по заранее обдуманному плану. Через год Лина встретила литератора в Болгарии. Башмачков прибыл туда по приглашению издателя Топалова, чтобы в короткие сроки окончить роман, на который издатель возлагал большие коммерческие надежды. Однако вместо написания романа ему пришлось вместе с Линой распутывать одну весьма непростую историю с серией убийств на Золотых песках.

Они с Башмачковым тогда по собственному легкомыслию включились в расследование цепочки криминальных происшествий. Лина в то время была счастливо замужем за Петром, и никакой другой мужчина ее не интересовал. Но, увы, все течет, все меняется, особенно в наше сумасшедшее время, когда год идет за два. Любовь Лины и Петра, всего лишь несколько лет назад казавшаяся вечной, постепенно изжила себя, и они спокойно, без трагедий и надрыва расстались. А потом была серия убийств в столичном фитнес-клубе. В то время Башмачков не столько писал романы, сколько крутил. Его роман с Линой был бурным, но не слишком долгим. Башмачкову довелось спасти ей жизнь и признаться, что вообще-то он не только писатель, но и добровольный помощник полиции. Вскоре они поняли, что не могут друг без друга, и стали жить вместе. Правда, довольно быстро Лина выяснила, что обитать в одной квартире с писателем ей не по силам. Любопытный сочинитель – это волк-одиночка, заикливший на своем творчестве и вообще – крайне эгоцентричный и нервный персонаж. В общем, в итоге оба решили, что им лучше расстаться.

Как ни странно, у Лины и Башмачкова сохранились не просто дружеские, но по-своему даже теплые отношения родных людей, у которых много общих дел, привязанностей и даже мыслей. Между ними со временем появилось что-то вроде телепатии. Каждый каким-то загадочным образом чувствовал, когда другому необходима помощь. Видимо, и в этот раз телепатический «радар» бывшего бойфренда сработал безошибочно. Лина ожидала увидеть в клинике кого угодно, только не его и была приятно удивлена.

– Как ты нашел меня, Башмачков? – спросила она и с изумлением заметила, что на глаза навернулись слезы.

– Легко! Помогли навыки добровольного помощника полиции, – не без гордости сообщил литератор. – Помнишь, как мы с тобой распутали одно мутное дельце?

– Аааа, серию загадочных убийств в фитнес-клубе! – Лина кокетливо поправила волосы и посмотрела на Башмачкова прежним заинтересованным взглядом. – Разве этот триллер, развернувшийся в реале, можно забыть! Бандиты тогда едва не утопили меня в бассейне. Как вспомню, горло от ужаса перехватывает, и мое заштопанное сердце начинает выстукивать ровные ритмы танго. Помнишь, как мы танцевали его в фитнес-клубе? Обожаю этот танец! Согласись, отделение кардиохирургии – не самое лучшее место для подобных воспоминаний. Если я начну танцевать здесь танго в ритме сердца, Омар Омарыч завтра же пригласит ко мне психиатра.

– Но ведь тогда все так хорошо закончилось! – напомнил Башмачков и незаметно приосанился. В отличие от Лины события в фитнес-клубе вызвали у него приятно-волнующие воспоминания. – Помнишь, как я вышел из-за колонны и тебя спас? – сообщил приятель о

своей звездной минуте. Воодушевившись, он окончательно наплевал на строгие правила анти-септики, царившие в хирургическом отделении, и смачно чмокнул Лину в щеку.

Лина неожиданно для себя покраснела, потом улыбнулась и подхватила в таком же шутовском тоне:

– Да уж. Твой выход оказался, признаюсь, очень своевременным. В общем, ты помог мне вырваться к хэппи-энду в этой фитнес-трагедии, достойной пера Шекспира. Правда, тогда мне открылось твое «второе дно».

– В смысле? – насторожился Башмачков.

– В том смысле, что ты прежде косил под малахольного сочинителя готических романов, а в фитнес-клубе открыл свое истинное лицо. Лицо добровольного помощника полиции.

– В самом деле? Это тебя удивило?

– Еще как! В самых смелых фантазиях я не могла бы представить тебя в роли помощника полицейских.

Лина кокетливо взглянула на приятеля и поправила прядь волос, плохо лежавших без фена. Она исподволь оглядела свои ногти без лака, запрещенного в хирургическом отделении, и, поколебавшись, решила, что и так сойдет. Башмачком между тем «распушил павлиний хвост» и вещал, гордо поглядывая на Лину и исподволь на медсестру Танечку. Медсестра сделала вид, что читает назначения врачей и готовится к вечерним уколам, а не слушает болтовню посетителей.

– Дорогая, у тебя неверное представление о писателях, – заявил Башмачков. – Байрон сражался за свободу Греции. Лермонтов служил на Кавказе. Толстой воевал в Севастопольскую кампанию за Крым. Подобные примеры можно множить и множить, но это займет у нас слишком много времени. Почему же ты лишаешь меня права быть мужественным?

– Бог с тобой, Башмачков! Я всегда отдавала должное твоим отчаянным поступкам. Ты ведь не растерялся даже в ту роковую минуту, когда наша жизнь висела на волоске. Как сейчас вижу перед глазами ту леденящую душу сцену. Мы с тобой в Болгарии. Я стою на мысу Калиакр. Помнишь, это красивый заповедник недалеко от золотых Песков? Так вот, я нахожусь лицом к лицу с бессердечным бандитом, который целится в меня из пистолета. Ни твои уговоры, ни мои слезы на него не действуют. Бац – и ты со всей дури пихаешь меня в бок и сам падаешь, не удержавшись на ногах. Мы катимся с горы и ... И спасаемся! Если честно, твой хамоватый. Весьма чувствительный втычок в бок тогда спас жизнь и мне, и тебе. А вскоре и доблестные болгарские полицейские опомнились и наконец подтянулись в заповедник, завершив весь этот «фильм ужасов» неожиданным хэппи-эндом.

Башмачков просиял, похвалы подруги ему явно льстили. Он с готовностью подхватил воспоминания Лины. Былые подвиги доставляли писателю несомненное удовольствие. Он говорил все громче, пока Танечка не сделала ему предупреждающий жест рукой, напоминая о том, что он находится в больнице, а не на сцене Дома литераторов.

– А тебе не кажется, Линок, что у нас с тобой вообще накопился целый ворох общих воспоминаний? – продолжал он уже на полтона тише. – Общее прошлое, между прочим, объединяет. Кроме вышеупомянутых тобой страшилок у нас было немало приятных минут и секунд...

Башмачков сделал паузу и, оглянувшись на Танечку, добавил совсем тихо, но со значением:

– И дней. И ночей...

Лина потупилась, помолчала пару секунд, потом снова поправила волосы и подняла на Башмачкова влажные от близких слез глаза.

– Ну пожалуйста, Башмик... Я прошу тебя. Не сейчас. Здесь не то место, чтобы выяснять отношения. Вот и Танечке мы мешаем. К чему вспоминать былое... Тогда мое сердце было разбито. А теперь... теперь оно ювелирно заштопано профессором Ренатовым! И сердцу, и мне нужно время, чтобы восстановиться. Надеюсь, ты как писатель знаешь, что сильные страсти

рвут сердце в клочья. Умирают ведь не только от горя, но и от радости. В общем, давай с тобой оживлять в памяти наши лучше дни не сразу, а постепенно. Понимаешь, я уважаю труд моего Рустама Маратовича и не хочу надорвать зашитое им мое бедное сердце, слишком быстро.

– Вот и я о том же, – тихо согласился Башмачков. – Надеюсь, теперь ты будешь беречь свое заштопанное сердце? А конкретнее – станешь наконец благоразумной и бросишь свою дурацкую привычку лезть не в свое дело, – завершил он назидательную речь и по-отцовски положил Лине руку на плечо. Тепло этой большой мужской руки пробудило в душе Лины самые потаенные воспоминания. Она вспомнила, как сильные руки возлюбленного ласкали когда-то ее тело, и внезапно слезы потоком хлынули из глаз.

Башмачков достал из кармана чистый носовой платок, осторожно промокнул ей глаза и нежно вытер лицо.

– Врач сказал, что у меня будет длинный восстановительный период, так что по меньшей мере пару месяцев ты можешь за меня быть спокоен, – грустно улыбнулась Лина, подняв на мужчину мокрые глаза.

– Ну, и слава богу! Наконец-то ты, Линок, угомонишься и забудешь о своих сомнительных самодеятельных расследованиях и битвах с ветряными мельницами. Эти твои экзальтированные выходы только мешают профессионалам делать свое дело.

Лине показалось, что в голосе Башмачкова появились давно забытые интимные нотки. Впрочем, как еще можно разговаривать с женщиной, только что пережившей операцию на открытом сердце?

Лина почувствовала, что все, хватит, пора прощаться. Иначе она прямо здесь и сейчас бросится к Башмачкову на шею прямо на глазах Танечки. Которая поглядывала на них со все большим изумлением. Внезапно она почувствовала, что приятные воспоминания ее утомили, и Лина, виновато взглянув на бывшего бойфренда, попросила не затягивать визит.

Башмачков послушно двинул к выходу, не без труда разместив по пути содержание своих объемных пакетов в больничном холодильнике.

Лина проводила его взглядом и с удивлением обнаружила, что положение пациентки нравится ей с каждым днем все больше. Друзья и родственники по очереди навещают ее в клинике, развлекают, стараются всячески угодить. Привозят разные вкусности, звонят, беспокоятся... Вот, даже Валерий Башмачков, бывший соратник по ее авантурным затеям и возлюбленный, увы, тоже бывший, в клинику пожаловал. В общем, наконец она может остановиться и сделать паузу в своей сумасшедшей жизни, похожей на бесконечный марафонский забег в городских джунглях... Вообще-то в ее положении самым разумным было бы подумать о жизни и смерти, о своем втором рождении, о здоровье и о полезных советах доктора Омарова, но подобные мысли обычно ненадолго задерживались в ее голове. Так уж Лина была устроена. Едва ее отключили от капельницы, как она принялась строить оптимистичные планы насчет работы и дальнейшей жизни.

Исчезновение

Дело шло к выписке. Люся и Башмачков навещали ее по очереди и наперегонки подкармливали соками, фруктами и йогуртами. Жанна, подруга детства, тоже расстаралась – запекла огромную индюшачью ногу и нажарила сковородку картошки. У Лины в первую минуту даже легкое головокружение случилось от аппетитного вида домашней еды и от ароматов, наполнивших палату. Все, что приносили друзья, было отнюдь не лишним при скудной больничной кормежке. Лина не уставала удивляться контрасту между высокой квалификацией врачей, современным оборудованием клиники и полуголодным «пайком», на который выделялись сущие копейки из бюджета. В общем, борьба с лишним весом пациентов в отделении неотложной хирургии шла на удивление успешно.

Лина каждый вечер выносила в холл фрукты и домашние деликатесы – угостить нового знакомого, Иннокентия Михайловича Бармина. Ей вскоре стало ясно, что старика никто не навещает. Иннокентий никогда не отказывался от гостинцев и горячо благодарил Лину за угощение. Каждый вечер он подкатывал к ней в инвалидном кресле и предавался воспоминаниям о работе в разных странах, о нравах, когда-то царивших в советских посольствах и вообще о своей бурной дипломатической карьере. Рассказывал он интересно, и Лина охотно слушала бывшего дипломата. Впрочем, других развлечений в их отделении все равно не было.

В один из таких тихих вечеров новый знакомый поведал Лине свою love story. Почему-то именно в больницах люди чувствуют потребность в подобных исповедах и с легкостью открывают незнакомому человеку самые сокровенные тайны души.

Иннокентий Бармин был уже в немалых чинах, когда встретил в здании родного МИДа любовь всей своей жизни. Светлое чувство карьерного дипломата вызвала референт-стенографистка, работавшая в приемной одного из замов министра. Разумеется, Бармин был к тому времени глубоко женат, имел дочку Лёлю школьного возраста и помышлял только о карьере. Однако Судьба – капризная особа, она преподнесла ему такой сюрприз, о котором рациональный и расчетливый карьерист Бармин прежде и помыслить не мог. Иннокентий влюбился, как мальчишка. Прятаться и скрываться было не в его характере, и карьерный дипломат твердо решил развестись и жениться на новой возлюбленной. В парткоме МИДа его попугали крушением карьеры и партийными взысканиями, как было тогда принято, – да и отстали в конце концов. Бармин и его вторая жена Катерина начали ездить вдвоем в длительные командировки в страны Юго-Восточной Азии и работать там в советских посольствах. Через пару лет у Бармина родилась еще одна дочка, Верочка, и карьерный дипломат на пороге сорокалетия почувствовал себя абсолютно счастливым. Растил Верочку, обожал молодую жену Катерину, помогал старшей дочери Лёле... Былая «аморалка» давно забылась, карьера шла в гору. Но, как оказалось, счастье – мимолетная гостья даже у мидовских ответственных работников. Верочка как-то незаметно выросла, вышла замуж за француза, благо времена уже были не столь суровые, и укатила с ним за границу. Там она родила дочку Надин и зажила взрослой самостоятельной жизнью. Вскоре после ее отъезда умерла любимая жена Бармина Катя, и старик остался в своей просторной квартире в центре Москвы совсем один.

– У меня еще есть апартаменты в Черногории, – похвастался Лине новый знакомый, видимо, решив закончить свое печальное повествование на оптимистичной ноте. – Только вот дочка с семьей туда давно уже не прилетает. Ее муж предпочитает отдых в более комфортных странах на юге Европы – в Италии или, скажем, в Испании. Приезжайте, Лина, как-нибудь в гости, погреться на солнышке и в теплом море поплавать. Можете взять с собой подругу или сестру. Мечтаю, чтобы мои апартаменты у моря через несколько лет после смерти Кати опять задышали и зажили полноценной жизнью, чтобы там снова зазвучал женский смех и женские

голоса. Поверьте, я вам не буду надоедать, я тихий, люблю уединение с книжкой, – пообещал Иннокентий, и Лина благодарно кивнула...

Прошло несколько дней. В то утро Лине было не до Бармина и не до его сентиментальных воспоминаний. Исследования, процедуры и анализы поглотили все время до обеда. Наконец, похлебав в столовой жиденького больничного супчика, она ввалилась в свою палату, мечтая лишь об одном – поскорее рухнуть на койку. Но что это? На кровати лежала книжка Пелевина, которую она несколько дней назад дала почитать новому знакомому. Ничего себе, быстро же проглотил въедливый старик «Битву чекистов с масонами»! На книге лежало что-то круглое и тяжелое. Это «что-то» было завернуто в чистый носовой платок. Лина отложила его в сторону, поскольку заметила тетрадный листок, вложенный между страницами... Она извлекла его и не без труда прочитала несколько строк, нацарапанных в спешке неровными мелкими буквами:

«С сожалением возвращаю Вам, Ангелина Викторовна, недочитанную книгу. Меня срочно переводят в другое отделение. Было приятно с Вами познакомиться и скоротать время в этом не самом веселом месте. Надеюсь, мы с вами скоро окончательно придем в себя после всего, что с нами было, и тогда встретимся и посмеемся над нашими больничными приключениями. Думаю, это случится в каком-нибудь симпатичном ресторанчике, куда я вас вскоре приглашу. Ангелина Викторовна, а теперь у меня большая просьба к вам. Свяжитесь, пожалуйста, с моей дочерью Верочкой и расскажите ей о моей операции. Я не смог ей дозвониться и сообщить о моем неожиданном перемещении. Вот номер ее мобильного телефона...». Дальше шли цифры, подпись «Иннокентий Бармин» и приписка:

«P.S. Пожалуйста, передайте при встрече моей дочери Вере антикварную медаль с Екатериной II, которую я на всякий случай захватил из дома. Боюсь потерять эту довольно ценную вещь во время внутрибольничных переездов. P.P.S. Ангелина Викторовна, обязательно свяжитесь со мной чуть позже, когда мы с вами выйдем из клиники. У меня есть на примете серьезный спонсор. Этот богатый человек и меценат поможет Вашим «Веселым утятам» окончательно не загрустить. Боюсь, для вас это единственный шанс, так что настоятельно прошу вас разыскать меня, как только свяжетесь с Верочкой».

Лина опустила на больничную койку и задумалась.

«Странно! Пациентам обычно сообщают о переводе в другое отделение или о выписке домой за день, чтобы они успели связаться с родственниками. С чего вдруг такая спешка? И куда так срочно перевели этого, едва оправившегося от тяжелой операции, старика? Да и зачем?».

Лина повертела в руке темный, довольно увесистый кругляшок с профилем Екатерины II. На ободке стояла высокая проба серебра. Медаль была в диаметре раза в четыре больше монеты и выглядела бесспорным антиквариатом. Лина решила, что нежданно свалившуюся на нее ценность надо спрятать надежнее, а то ее палата – как проходной двор, дверь почти не закрывается. Она подумала и запихнула медаль в дальний угол тумбочки, под пакет со стерильными салфетками и с медицинским пластырем.

Лине внезапно расхотелось валяться на кровати. Она уселась на стул и набрала телефон, указанный в записке. «Абонент находится вне доступа». – равнодушный голос автоответчика внезапно разозлил ее. Ну и что теперь делать? Где искать эту мифическую Верочку? Хорошо этому бывшему чиновнику раздавать поручения посторонним людям... Впрочем, так ли ему сейчас хорошо?.. Неприятный холодок побежал по спине, и Лина потянулась за успокоительной таблеткой, которую вопреки строгим правилам, установленным в отделении относительно лекарств, ей разрешил принимать Омар Омарыч.

– Да пейте, если хотите, эти ваши «травки», они все равно что мертвому припарки, одно самовнушение – хмыкнул доктор, и Лина впервые усомнилась в действенности широко разрекламированного лекарства. Однако приняв заветную таблетку, она каждый раз необъяснимым образом успокаивалась. Видимо, действие плацебо еще никто не отменял.

Вот и теперь она глубоко вздохнула и осторожно выглянула в коридор. Медсестра Танечка скучала на сестринском посту, механически раскладывая по ячейкам лекарства для утреннего приема пациентов.

Лина на цыпочках вышла в коридор и подкралась к Танечке, к этому белокурому больничному ангелу, зажав в руке дежурную шоколадку. Танечка вздрогнула, подняла голову и обаятельно улыбнулась. У нее был, пожалуй, слишком веселый и легкий нрав для этого серьезного заведения, к тому же Танечка была рада возможности поболтать. Для маскировки Лина задала несколько дежурных вопросов о назначениях, сделанных ей Омаром Омарычем, а потом с деланно равнодушным видом спросила:

– Что-то я моего кавалера сегодня не видела. Помните, он ко мне каждый раз после ужина в своем инвалидном кресле подкатывал и открывал «вечер авторского рассказа»? А тут раз – и вдруг пропал. Стоило привыкнуть к его обществу, как мой интересный собеседник исчез.

– Это типично для мужчин, – хихикнула Танечка, приняв авторитетный вид. Все они – такие непостоянные, хотя сами нас ревнуют – будь здоров. Где здесь логика? Недаром говорят, что мужчины – тупиковая ветвь эволюции.

Лина поддакнула:

– Не удивлюсь, если наш дипломат встретил в отделении новенькую, ясное дело, молоденькую пациентку, в ту же секунду забыл про меня и теперь травит другой дурочке свои дипломатические байки...

– Ох, какие уж там молоденькие, в его-то состоянии, – засомневалась Татьяна, – скажете тоже! Расслабьтесь! Перевели вашего кавалера в другое отделение. В какое? А вот это мне неизвестно. С утра тут был ваааще полный трендец! Профессор Рустам Маратович на утренней конференции сестрам таких люлей раздал – мама, не горюй. Хотя случай обычный, житейский. Пациентка поехала в операционную и никому не сказала, что месячные пришли. Не хотела, чтобы такую долгожданную и выстраданную операцию отложили «из-за ерунды». Между тем в подобном состоянии женщин оперировать нежелательно. Профессор сразу на нас, сестер наехал, как мы, мол, могли это допустить, не спросили даму о главном, в общем, слово за слово... Припомнил нам все, чуть ли не промахи месячной давности. Пришлось все дежурство носиться по отделению электровеником, чужие косяки исправлять. А тут еще эта мымра рыжая явилась. Лицо знакомое, а имя-отчество не припомню. Вертлявая такая дамочка в белом халате. Только халат я и запомнила. Наши –то все больше в хирургических костюмах ходят, а она в обтягивающих легинсах и в коротеньком халатике, расстегнутом чуть ли не до пупа, по клинике рассекает. Нос кверху, а из себя – ничего особенного... В общем, дура крашенная... Короче, эта докторша объявила, что с Рустамом Маратовичем Ренатовым у нее все согласовано, и сунула мне под нос записку от своего заведующего. Кажется, она из отделения острой сердечной недостаточности. В общем, эта рыжая лиса покрутила хвостом, а потом велела этому вашему Бармину срочно собираться, потому как его давно ждут в другом месте. А что дедуле собирать-то? Его и не навещал никто, даже пакета с гостинцами у него в холодильнике не было. В общем, залез наш бобыль в свое кресло, докторша повесила себе на плечо его сумку с вещами и покатила дедушку к лифту. Ауф видер зейн! Короче говоря, начнет теперь ваш кавалер в другом месте дамочек клеить и зубы им заговаривать...

Танечка триумфально завершила свой рассказ и, отхлебнув из кружки свежезаваренный чай, с наслаждением закусила подаренной шоколадкой.

Лина вернулась в палату, легла на кровать и внезапно почувствовала, что ее бьет сильная дрожь. «Похоже, температура поползла вверх», – подумала она почти равнодушно. Ртуть остановилась на отметке 37, 8. Ничего себе! Омар Омарыч с такой температурой домой не выпишет. Вот засада! Как хочется встретить Новый год дома, черт побери!

– После такой, как у вас, операции высокая температура – обычное дело, – успокоил Лину дежурный врач. Убегая, он велел медсестре вкатить пациентке коктейль из жаропонижающего

и успокоительного. Лина, перед тем, как рухнуть в сон, поймала на краешке сознания слово «муха». Муха! Странное для зимы слово... Почему она его вспомнила сейчас? Кажется, она недавно его где-то слышала... Мысли путались, и Лина, устав думать про нахально влетевшую в сознание муху, погрузилась в глубокий сон.

Водевиль с переодеваниями

Утром, едва проснувшись. Лина нашарила на тумбочке мобильный телефон.

– А, это ты, Линок... Как здоровье? – сонно спросил Башмачков и смачно зевнул в трубку. Он явно не был расположен к разговору.

– Не дождешься, – буркнула Лина. – Еще тебя переживу. Лежу тут, полеживаю, хуюю на больничных харчах. Класс! Прохожу, одним словом, бесплатный курс лечебного голодания под присмотром врачей. Только одна мысль не дает покоя. Знаешь, вчера Бармин пропал, и никто толком не говорит, где он и что с ним.

– Кто пропал? – Башмачков сделал вид, что проснулся, но не удержался и громко зевнул в телефонную трубку.

– Мой новый знакомый. Иннокентий Михайлович Бармин. Вообще исчез... Телефон, правда, оставил, а толку –то... Не отвечает его мобильник. Не притворяйся, Отелло, ты этого господина на днях видел. И Люся видела, и Жанна... Так что он вполне реальный человек, а не тень отца Гамлета. Помнишь, мы недавно сидели с ним в коридоре? Ты тогда еще его резко не полюбил. Ну, вспоминай быстрее! Пожилой такой дядечка в инвалидном кресле...

Лина почувствовала, что теряет терпение

– Он мне про свое житье-бытье за границей рассказывал, а потом о дочке, уехавшей во Францию, сообщил. В общем, этот господин, косивший под европейца, по-любому должен был попроситься со мной перед выпиской, как принято у воспитанных людей. Он же все-таки дипломат, а не бомж какой...

– Выписали твоего дипломатического хахалю домой, вот и вся разгадка. Башмачков был не склонен этим солнечным утром тревожиться ни о чем и ни о ком, тем более о каком-то незнакомом персонаже из больницы. – А ты что, уже успела влюбиться в него? – подозрительно спокойно поинтересовался писатель. Лина невольно улыбнулась. Боже, он все еще ее ревнует! Что ж, это даже приятно...

– Башмачков, кто находится сейчас в клинике, ты или я? – спрятав улыбку, строго спросила она. – Кому длительный наркоз давали? Похоже, тебе, поскольку память у тебя отшибло капитально. Сейчас не до твоих ревнивых бредней, господин сочинитель. Понимаешь, я буквально чую моим прооперированным сердцем, что этот достойный человек исчез из клиники не по своей воле.

Башмачков никак не отреагировал на ее странное предположение, и Лина нетерпеливо продолжала:

– Слушай, Башмачков, а, может, Иннокентия Бармина уже и в живых-то нет? Наш дипломат в отставке, между прочим, мне приватное поручение оставил. Просил связаться с его дочерью и передать ей кое-что. Кстати сказать, ценную вещь. Она, эта Вера Филимор-Бармина, вроде бы, за границей проживает. Я уже ей десяток эсмэсок послала, и все без ответа.

– Вообще-то перевод Бармина в другое отделение – это дело сугубо семейное, оно касается только отца и дочери, – рассудительно заявил Башмачков. – А в семейные дела полиция никому лезть не советует.

Лина почувствовала, что в словах Башмачкова есть жестокая правда, и слегка сбавила обороты.

– Ну, я же не претендую на наследство дипломата, – тихо сказала она. – Просто хочу узнать, куда пропал из клиники мой новый знакомый. По-моему, ничего опасного и даже неприличного в этом нет. К тому же у меня к нему – свой корыстный интерес. Иннокентий обещал найти для «Утят» спонсора. Ты слышишь, Башмачков, спон-со-ра! А они, Башмачков, на дороге не валяются. Без меценатов и инвесторов моим «Утятам» хана – они тогда уплывут разве что в сторону банкротства.

– И что ты намерена предпринять? – терпеливо поинтересовался Башмачков, впрочем, без особенного энтузиазма. Он слишком хорошо знал Лину, чтобы поверить в то, что его подруга так легко успокоится и забудет о просьбе человека, пусть даже едва знакомого.

– Есть одна идея, – таинственным шепотом сообщила Лина. – Приезжай, расскажу на месте. Да, кстати, ты сможешь достать медицинский костюм?

– Не уверен. Впрочем... Знаешь, если тебе это так важно, попробую одолжить у приятеля, – вздохнул Башмачков. Он уже понял: Лина взяла след, как гончая, и теперь пойдет по этому следу только вперед. Весь опыт их предыдущих отношений говорил ему об этом. Никакие разумные доводы, когда Лина перевоплощалась в подобную ищейку, на нее не действовали. Вот и сейчас длинные коридоры клиники вряд ли ее остановят. В общем, дело Башмачкова теперь было докторватсоновское: молчать, слушать и подчиняться. А что делать? За несколько бурных лет роли в их тандеме распределились именно таким образом, и сейчас было не время и тем более не место их менять.

Башмачков заявился в палату Лины после обеда, когда в отделении наступило относительно затишье, и сразу же скрылся в туалете – переодеться.

– Ой, здравствуй, доктор Айболит! – расхохоталась Лина, когда он нарисовался перед ней в весьма странном прикиде. Башмачков переоделся в медицинский костюм и теперь настороженно и смущенно взирал на Лину. Зрелище было феерическое. Зеленые штаны оказались ему явно коротки, из-под них торчали не по сезону белые носки, а с его салатовой курточки, на которой предательски выделялись дамские вытачки, на Лину весело глядели разноцветные мультишные лягушки.

– Понимаешь, приятель свой костюм дать не смог, у него сегодня дежурство, в итоге одолжил мне костюмчик его жены, женщины дородной и крупной, однако невысокой. Галка – педиатр, потому и костюмчик у нее такой веселый, – оправдывался Башмачков, старательно поправляя вытачки на куртке и пытаясь слегка приспустить брюки, чтобы они казались хоть чуть длиннее.

– Ладно, не парься, и так сойдет, – снисходительно заявила Лина. – У здешних докторов столько работы, что им некогда друг друга разглядывать. Я, пожалуй, останусь в своих пижамных штанах, а белый халат мне Танечка даст. Я ей лапши на уши навешала, что, мол, для подруги очень надо. Типа Люся приедет навещать меня в неурочное время, а без халата ее Рустам Маратович погонит из отделения отборными профессорскими ругательствами.

– Что делать-то надо? – угрюмо поинтересовался Башмачков и попросил: – Только, умоляю, Лин, без самодеятельности и опасных трюков. Операция твоя была недавно. Вот только на днях тебя от капельницы отключили. Надеюсь, ты не хочешь обратно в реанимацию?

– Ой, только не это! – невольно вскричала Лина, вспомнив ужасы палаты интенсивной терапии и женский низкий голос с хрипотцой. По спине опять побежали предательские мурашки, однако она взяла себя в руки и принялась горячо убеждать Башмачкова:

– Да не парься ты так, Башмик! Ничего особенного нам делать не придется. Так, легкое волнующее приключение, а для меня хоть какое-то разнообразие в больничной скукотище.

– Знаю я твои «ничего особенного». – проворчал Башмачков. Он приобнял Лину и чмокнул ее в щеку.

Лина невольно прижалась к нему, но вскоре отпрянула. Усилием воли она постаралась сосредоточиться на главной задаче и коротко обрисовала план:

– Сейчас заберу у Танечки белый халат, и мы с тобой отправимся в морг.

Она сообщила это таким тоном, словно приглашала приятеля в ресторан.

Башмачков слегка растерялся, но вся же съязвил:

– По-моему, тебе туда еще рановато...

– Не поверишь – в самый раз, – серьезно сообщила Лина. – Потом, боюсь, будет поздно метаться. Ох, Башмачков, чует мое сердце, эта рыжая стерва могла нашего Бармина туда

незаметно откатить, а до этого убрала его по-тихому. Зачем? Для убийства богатого дипломата мотив всегда есть. Какой? Не тупи, Башмачков! Деньги, столичная недвижимость, апартаменты за границей – в общем, все, что у него имеется, то есть, имелось! Как она это сделала? Вот это и требуется выяснить. В общем так, коллега. Не будем терять драгоценное время. Берем за угол каталку и везем ее по подземному переходу в другой корпус... Главное, громко не болтать и иметь сосредоточенный вид, типа мы очень спешим. Тогда стопудово у нас никто ничего не спросит. Въезжаешь?

– Въезжаю, – Башмачков еще раз убедился, что спорить Линой бесполезно, но все же решил задать вопрос: – Слышь, мисс Марпл, а как мы попадем в морг с пустой каталкой? Втыкаешь? Туда ведь этот специальный «транспорт» порожняком не привозят. В общем, на каталке должен быть труп, как ни крути...

Лина растерянно замолчала, но тут они завернули за угол и...

В такую удачу трудно было поверить! На каталке лежал самый настоящий покойник. Свежеиспеченный, так сказать. Под тонкой простышкой угадывались крупное мужское тело и небольшая голова. Видимо, кто-то из медицинского персонала оставил невезучего пациента в коридоре, а сам отошел покурить. Потому как покойнику уже спешить было некуда. Лина с Башмачковым переглянулись молча, как заговорщики, и... стремительно покатали каталку с тяжелой ношей к лифту. Вернее, катил Башмачков, а Лина лишь придерживала ее на поворотах, помня строгие наставления Омара Омарыча о том, что пока нельзя давать серьезную нагрузку на руки, чтобы не разошлись свежие швы.

«Хорошо, что несколько дней назад меня от капельницы отключили», – подумала она, но вслух эту мысль озвучить не решилась, а то Башмачков тут же повернул бы оглобли обратно.

Лина еще вчера расспросила Танечку о том, где находится морг и как туда попадают те, кому не повезло на операции. Время для откровений Лина выбрала удачное: медицинский персонал как раз к вечеру обычно готов немного расслабиться и поболтать за чашкой чая с очередной шоколадкой.

– Вообще-то нам не разрешают рассказывать пациентам подобные вещи, – на всякий случай сказала Танечка и таинственно сощурила глаза. В ту минуту она была похожа на девочку, которая не может больше сдерживать внутри себя страшилку, подслушанную в детском лагере отдыха.

– Да ладно, не тяни, рассказывай, – поторопила ее Лина. – Все там будем, дело житейское.

Танечка понизила голос и посвятила Лину кое-в-какие детали. В итоге Лина разузнала довольно запутанный путь, по которому медицинский персонал попадает в морг через сеть коридоров и подвал. Танечка оказалась отличным навигатором, и Лина перед сном построила по ее рассказы предполагаемый маршрут без особого труда.

И вот теперь они с Башмачковым молча катили свой груз-200 по бесконечным коридорам клиники. Катил, конечно, Башмачков, а Лина лишь придерживала каталку на поворотах. Решимость Лины таяла тем быстрее, чем ближе они подъезжали к нужной двери. Да какая уж там решимость! Лина чувствовала предательскую дрожь в коленках, но отступать было поздно. Все теперь выглядело не так, как она представляла себе еще вчера вечером. Слишком много вопросов, на которые нет ответа. Например, что обычно говорит персонал, когда привозит труп на экспертизу? Как разузнать, не поступил ли в морг ее недавний знакомый, и не вызвать при этом подозрений? В общем, проколоться ничего не стоило.

Из-за двери раздался взрыв хохота и следом послышался звон стеклянной посуды.

– Ну, с днем рождения, босс! – раздался звонкий девичий голос. – Желаю вам, дорогой Автандил Тимофеевич, еще сто лет не попасть в наше родное патологоанатомическое отделение!

За дверью оживленно засмеялись, и вновь зазвенели бокалы. Похоже, праздник был в разгаре.

– Давайте выпьем за упокой души наших пациентов! – неожиданно предложил чей-то бархатный баритон. – Благодаря им у нас всегда есть работа. Смертность на планете по-прежнему стопроцентная...

Участники «тематической вечеринки» захохотали в голос.

– Похоже, они уже давно празднуют, – шепнула Лина Башмачкову.

– Коллеги, наши пациенты, по крайней мере, не скандалят и не жалуются начальству, – поддержал тост резкий мужской голос, и за дверью опять послышался хохот и звон посуды.

– Давайте наконец выпьем за любовь! – без паузы выдвинул предложение начальственный бас, и все одобрительно загудели. Лина догадалась, что на этот раз тост поднял сам Автандил Тимофеевич. Как истинный грузин, шеф не собирался ограничиваться коротким спичем и бодро продолжал:

– Однажды патологоанатом и медицинская сестра решили заняться любовью прямо во время ночного дежурства. Вот такие они были аморальные существа! Подобных разложенцев, конечно, нет в нашем образцовом коллективе...

Женский голос игриво хихикнул, а начальственный бас между тем продолжал:

– Муж медсестры работал в той же больнице и давно уже подозревал жену в неверности. Он притворился покойником и спрятался под простынькой. И вот в самый ответственный момент «покойник» вдруг зашевелился. Простыня поднялась, и обманутый муж явился парочке, словно Каменный гость из трагедии Пушкина. И что вы думаете, сделал несчастный любовник? Он исчез в соседней комнате и принес бутылку спирта, затем аккуратно разбавил ее и предложил ожившему покойнику выпить за любовь, которая побеждает смерть! Так выпьем же, коллеги, и мы за победу любви над смертью!

– Похоже, у них там с этим сладкоголосым грузином тосты никогда не закончатся, – прошептала Лина Башмачкову, – хватит уже у двери топтаться, давай закатывай!

Башмачков широко распахнул дверь и мрачно объявил:

– Принимайте очередного неудачника, коллеги.

Работники морга, давно привыкшие к подобным «пациентам», внезапно разом замолчали, словно сам дьявол явился к ним с очередным грешником, прервав неподобающее этому мрачному месту веселье.

Лина и Башмачков без лишних слов остановили каталку возле анатомического стола, на котором расположились аппетитные грузинские закуски, одноразовые стаканчики и мензурка с разбавленным спиртом.

На вошедших выжидательно уставились несколько пар глаз. Огромный мужчина с большим бокалом в руках, видимо, это был сам именинник Автандил Тимофеевич. Всем своим видом он выражал неудовольствие от того, что ему помешали отмечать день рождения в кругу коллег и друзей. Маленький щуплый доктор, видимо, ассистент и обладатель тенорка, тоже смотрел на вошедших волком и явно не разделял служебного рвения Лины и Башмачкова, так некстати ворвавшихся в их уютный мирок со своим внеплановым покойником. Третий, невзрачный мужичок с лицом профессионального пьяницы, молча пил из граненого стакана, опершись о край стола, и с интересом разглядывал лягушек на курточке Башмачкова. Видимо ему и принадлежал бархатный баритон, который они слышали за дверью. Лина подошла к нему чуть ближе, и ей в нос ударил резкий запах сивухи. Мужчина был явно не первой свежести и, как показалось Лине, с трудом держался на ногах. Лишь стол, о который он опирался, помогал ему не рухнуть на пол.

– Не обращайтесь внимания, это наш санитар, – махнул рукой Автандил Тимофеевич, – есть у него такая профессиональная слабость, что тут скажешь. Но когда Альберт Капустин трезв – цены ему нет.

– А вы, коллеги, из какого отделения? Что-то я вас не припоминаю.

Медсестра, одетая в обтягивающий медицинский костюм темно-синего цвета, устала на вошедших с подозрением. В этом костюме она выглядела необычайно сексуально, что показалось Лине немного странным, учитывая место проведения банкета. Что ж, хорошенькой ведьмочке в «преисподней» самое место...

– Мы стажеры из отделения острой сердечной недостаточности, – отрапортовала Лина, надвинув шапочку поглубже на лоб и стараясь говорить звонким молодым голосом. – Кстати, к вам такой Иннокентий Бармин из неотложной хирургии не поступал?

– До вашего прихода, молодые люди, смертность в клинике была нулевой. – проворчал Автандил Тимофеевич. – Вот мы и воспользовались перерывом в работе.

– Ну, мы это... извиняемся за вторжение, – пискнула Лина в сгустившейся тишине. Значит, мы... в общем, мы двинули к себе, а то начальство будет ругаться, что надолго исчезли из отделения.

– Стоять! – тихо приказал Автандил Тимофеевич.

Лина похолодела. «Это провал, – подумал Штирлиц», – подумала она и сжала руку Башмачкова, которая была горячей и слегка вспотевшей.

– А выпить за мое здоровье? – ласково проворковал именинник и поднес Башмачкову полный стакан.

– Я за рулем! – успела пискнуть Лина, вспомнив про строгий наказ врачей не употреблять спиртного как минимум полгода.

– Хорррошо же нынче живут стажерррры! – прорычал санитар и опорожнил стакан. – Ну, за будущих докторов! – провозгласил он тост, затем, остановив помутневший взгляд на имениннике, опомнился и добавил: – И за наставника и грозу всех докторов клиники, – за Автандила Тимофеевича, чей диагноз всегда окончательный!

Башмачков с кряканьем опрокинул в себя непривычно крепкий напиток, и по его заблестевшим глазам стало понятно, что он не прочь повторить этот скромный подвиг.

Лина выразительно взглянула на приятеля, который ради глотка халявной водки готов был поставить всю операцию на грань провала, и подтолкнула его к выходу. Еще не хватало, чтобы этот безвольный пьяница сорвал тщательно подготовленную операцию!

Когда Лина и Башмачков выскочили из лифта, за поворотом они наткнулись на паренька в белом халате, по-видимому, студента. Юноша растерянно озирался вокруг. Когда Лина подошла ближе, она поняла, что молодой человек пребывает в полнейшем недоумении. Парень, не веря своим глазам, взирал на то место, где еще недавно стояла каталка с покойником.

– Вы не видели тут... ээээ, ну, это... – промямлил студент, не решаясь признать, что прошляпил покойника.

– Мы только что из другого крыла, с международного семинара, – соврала Лина, глазом не моргнув. – а что тут было?

– Да так, ничего..., – задумчиво пробормотал паренек и стремительно нырнул в лифт.

– Похоже, у Автандила Тимофеевича еще один незванный гость сейчас нарисуетя! – шепнула Лина Башмачкову и решительно потащила приятеля за руку в свою палату.

К счастью, никто не заметил в коридоре парочку самозванцев в костюмах, больше смахивавших не на медицинские, а на маскарадные. Вскоре после того, как за ними закрылась дверь, а «интерны» приняли свой обычный вид, в палату нежданно-негаданно нагрянул Омар Омарович. Когда лечащий доктор вырастал, как из-под земли, Лине каждый раз казалось, что он сразу же заполнял собой всю палату, хотя кардиолог был худощав и невысок ростом, как его предки-кочевники, сутками скакавшие по бескрайней степи.

Кочевники не плачут

– Где вас носит? – сурово поинтересовался врач. Он с трудом сдерживал раздражение. – Ищу вас, ищу, уже целых полчаса, между прочим, ищу, чтобы пригласить на перевязку.

– Извините, Омар Омарович, я в дальний буфет на лифте номер два ездила, – виновато сообщила Лина, – буквально секундочку подождите, я уже бегу в перевязочную.

Башмачков тем временем затаился в туалете и благоразумно решил не обнаруживать свое присутствие. Он быстренько переоделся в «штатское» и выглянул из санузла лишь тогда, когда за Линой и Омаром Омарычем закрылась дверь. Обнаружив что опасность миновала, писатель уселся на стул и стал терпеливо дожидаться Лину, от скуки листая книгу Пелевина.

«Дутая фигура! И чего его так на щит поднимают, – привычно возмутился Башмачков, – этот модный автор – пирожок ни с чем. И тексты его ни о чем. Претензия на философию, и ничего более. Кто раскупает эти его огромные тиражи? Одна Лина из моих знакомых только его покупает и читает».

Хорошо, что Лина не слышала внутренний монолог Башмачкова, иначе вспыхнувшее вновь прежнее чувство погасло бы сразу, как свеча на ветру. Она давно заметила, что многие ее знакомые дамы – фанатки Пелевина, а мужчины, в особенности писатели, относятся к нему более чем сдержанно. Лина объясняла это завистью, обычной в писательской среде, и продолжала фанатично скупать все новые и новые романы любимого автора.

Тем временем Омар Омарыч был озадачен. Ну не слепой же он в самом деле! Минут десять назад он заметил свою пациентку в белом халате и незнакомого долговязого мужчину в нелепой курточке с лягушками.

«Странные люди! Нарядились медиками, чтобы выбраться из «закрытой» зоны, откуда прооперированным больным выход запрещен, – подумал Омар Омарыч. – вот москвичи всегда так: вечно ищут себе приключений на ягодичную мышцу, ничего не делают по-людски, без вывертов. А ведь могли бы попросить меня или любую медсестру в отделении, хоть ту же Татьяну, их выручить. Может, банкомат им срочно потребовался или еще что-то за границами отделения? Ну ладно бы так себя вела только пациентка Томашевская – с ней все ясно, женщина после операции. Возможно, еще не пришла в себя после длительного наркоза. К тому же она дамочка с причудами. А вот ее мужик на вид вполне адекватный, он-то зачем таким клоуном вырядился? Из солидарности?».

Продолжая размышлять о странностях москвичей, Омар Омарыч привычной рысцой отправился в перевязочную. Вскоре он выглянул из двери уже в медицинской шапочке и в маске и строго скомандовал Лине: «Томашевская! На перевязку!».

Как ни странно, Лина совершенно не боялась этих малоприятных процедур, потому что руки у Омара Омарыча были золотые, и он ухитрялся почти не причинять боль. Постепенно Лина стала догадываться, что этот невысокий мужчина лет тридцати пяти – врач от бога.

Омар Омарыч мечтал о кардиохирургии с ранней юности. И не просто о кардиохирургии, а о работе в знаменитой столичной клинике, где уже тогда делали такие фантастические операции на открытом сердце, какие на его родине были пока немыслимы. Не удивительно, что путь в операционную у терпеливого сына киргизских степей оказался долгим, тернистым и весьма извилистым. Понятное дело, быстрый взлет в профессию на блажном «лифте», доступном сынкам и дочкам профессоров медицины, практиковавшим в московских клиниках, был для него закрыт. Омар Омарыч с юных лет настроился на длинную и трудную дорогу в знаменитую клинику, остававшуюся долгие годы его мечтой. Впрочем, его предки тоже скакали по степи по несколько суток ради того, чтобы сообщить важную весть или позвать доктора к жене, оставшейся в юрте на высокогорном пастбище. Омар Омарыч с детства усвоил присказку отца: «Кочевники не плачут».

В столице Омар Омарычу поначалу было трудно привыкнуть к тому, что частенько на улице, в разных муниципальных конторах и в магазинах прохожие и посетители обзывали его то «гастарбайтером», то «чуркой», то «черным», то «понаехавшим». И это его, молодого врача, который учился восемь лет, спал по четыре часа в сутки и запретил себе до тридцати даже думать о создании семьи! И это в любимой Москве, в городе самых смелых надежд и чаяний, куда он так стремился с детства! Все это было больно и обидно, тем более, что его большая семья и его фамилия были не последними в Киргизии.

В общем, приехав в Москву, Омар Омарыч быстро понял, что в столице его прежние стартовые возможности и связи его большого клана не работают. Пришлось обнулить амбиции и «завоевывать столицу» без бонусов и стартовых очков.

Попасть в знаменитую столичную клинику после медицинского вуза в Бишкеке было нереально. Пришлось поработать врачом на «Скорой», получить кучу дипломов и сертификатов, а также паспорт гражданина России, чтобы в итоге стать своим в этом неласковом и жестоком к «понаехавшим» городе. Попав в Москву, Омар Омарыч понял: чтобы состояться в столице, ему придется лечить пациентов в два, а то и в три раза лучше, чем те молодые выскочки, которые то и дело выпячивали свое столичное происхождение. Его голова и его руки должны были работать безупречно, чтобы коллеги и начальство наконец смирились с тем, что молодой способный доктор иногда делает ошибки в неродном языке, с тем, что он вырос в другой культуре, что у него другие бытовые привычки, даже пищевые пристрастия не совпадают с коренными москвичами. В общем, путь к успеху у Омара Омарыча был один – ежедневно спасать жизни пациентов и делать это лучше, чем местные снобы – столичные потомственные доктора.

В итоге вся его жизнь подчинилась работе в клинике. Омар Омарыч к тридцати годам, как и планировал, женился на симпатичной киргизской девушке, которая родила ему очаровательную дочку Мадину. Семья была счастлива. Родные всерьез боялись, что их Омарчик свихнулся на работе и уже никогда не женится. Доктор Омаров тоже впервые почувствовал себя счастливым и защищенным от агрессивного мира огромного мегаполиса за окном. Клан Омаровых оберегал его от столичных бурь всей историей рода, а теперь – и рода его жены. Их молодая семья вместе с семьей сестры жены снимала маленькую «двушку» на востоке Москвы, и дорога в клинику отнимала каждый день больше часа. Омар Омарыч частенько думал, что он счастливо женился на киргизской девушке, не соблазнившись прелестями симпатичных русских медсестер и молодых докторш. Ни одна русская жена не выдержала бы отсутствия мужа дома с раннего утра и до позднего вечера при скромной зарплате врача, а его Амина сердцем чувствовала, что муж не будет до конца счастлив, пока не начнет сам оперировать. И терпеливо ждала его до позднего вечера, как настоящая восточная женщина. Впрочем, Омару Омарычу было не до абстрактных раздумий. После работы оставалось лишь время не спеша поужинать, поиграть с дочкой перед сном и проконсультить по телефону парочку свежих пациентов. И все же Омар Омарыч был доволен судьбой. Ему не надо было задумываться о смысле жизни, потому что спасение людей и было этим главным смыслом.

В отделение неотложной хирургии Омар Омарыч приезжал за полчаса до официального начала смены. Ему требовалось немного времени, чтобы после долгой дороги в переполненном транспорте переключиться на работу в клинике. Переодевшись и выпив зеленого чая, доктор с головой погружался в работу, стараясь отодвинуть до конца смены все лишнее и незначительное. Однако в последние дни Омар Омарыч размышлял не только о пациентах и о новых технологиях в кардиохирургии. В клинике определенно творилось что-то странное. Доктор зорким взглядом потомка кочевников подмечал все несуразности, и понимал, что странностей и нестыковок с каждым днем становится все больше.

Рискованная вылазка

– Слушай меня внимательно, Башмачков, – объявила Лина приятелю, вернувшись в палату из перевязочной. – Надеюсь, эта мымра до сих пор не прикончила Бармина тем или иным способом. А если он жив, рыжая ведьма вряд ли прячет его в одном из отделений клиники. Слишком велика опасность, что старика рано или поздно обнаружат.

– Ты можешь наконец четко объяснить, зачем ей вообще сдался этот старый перец? – поинтересовался Башмачков.

– Догадайся с трех раз! Богатый мужчина – во все времена отличная приманка для авантюристок всех мастей. Вероятно, рыжая врачиха где-то пронюхала о том, что наш знакомец довольно состоятельный пенсионер, к тому же, вдовец, и решила прибрать его к рукам. Как? Вот это хорошо бы узнать. Правда, я пока еще не в состоянии пускаться в розыск, так что возьмем небольшую паузу. Кстати сказать, меня на днях выписывают. Надеюсь, ты поможешь мне дотащить до такси мои сумки и добраться домой?

– Яволь! – откозырял Башмачков и попросил Лину полностью на него положиться.

«Скорей бы домой», – подумала она, – здесь от скуки мухи дохнут...

Слово «муха» опять показалось ей знакомым и почему-то вселило в сердце непонятную тревогу. Муха...

«Да ладно тебе, Муха... Не парься, Муха», – эти фразы внезапно вспыхнули в голове Лины, как лампочки, и одновременно в душе зародился и стал стремительно расти сгусток темной тревоги. Он рос и рос, пока наконец не уперся в диафрагму, и Лина почувствовала, что ей стало трудно дышать, а руки сделались влажными. Лина незаметно вытерла их о под одеяльник и тут же в растерянности опустилась на высокую больничную койку. Через секунду она вскочила.

– Реанимация! – истошно завопила Лина.

– Ленок! Тебе плохо! – Башмачков уже попрощался с Линой и закрыл за собой дверь, но тут же вернулся. Ее крик достал писателя уже в коридоре, и Башмачков ворвался в палату с паническим выражением лица.

– Сейчас-сейчас, Ленок, ты только не волнуйся. Я с тобой. Держись! Побегу позову кого-нибудь.

– Спокойно, Башмачков, никого звать не надо. – Лина перешла почти на шепот. – Муха! Я только что вспомнила, кто такая Муха.

– Кто-кто? – не понял Башмачков. – Ты бредишь? Откуда в этом стерильном отделении муха? Наверное, у тебя опять поднялась температура. Держись, старушка, я сейчас позову медсестру.

– Замри, Башмачков, никуда не ходи, не перебивай и слушай, – велела Лина и, волнуясь, запинаясь и слегка путаясь, рассказала Башмачкову о беседе Мухи и Костяна в реанимации.

– Я вспомнила! Эта рыжая мымра тогда о нашем Бармине Костяну во всех подробностях рассказывала! Типа есть один богатеньких старик, чего зря пропадает. Я сопоставила факты и поняла: других богатеньких старичков у нас в отделении не было. Въезжаешь, Башмачков?

Башмачков взглянул на Лину с жалостью:

– Ты знаешь, под наркозом у людей нередко бывают галлюцинации. Я об этом не раз слышал от врачей. Скорее всего, тебе подобный разговор приснился, а позже, познакомившись с Барминым, ты убедила себя в том, что это было на самом деле. Не переживай, так бывает. Галлюцинации иногда кажутся пациентам очень правдоподобными.

– Ну ты даешь, Башмачков! Люся тоже считает меня больной на всю голову. А я, между прочим, даже в реанимации за свою жизнь боролась, и все, что делалось вокруг, отлично слышала, видела и понимала. Эту самую Муху я даже за халат дергала, чтобы она обратила на меня

внимание. Запомни, Башмачков, в наше время всем и везде необходимо руководить самому. Тем более – в реанимации. Короче, господин литератор, мы просто обязаны отыскать этого самого Костяна, кое-что у него разузнать и добраться с его помощью до кровожадной Мухи. Я бы даже сказала, до Мухи Цеце.

– Легко сказать, «добраться» – проворчал Башмачков. – Ты же знаешь, что в реанимацию так просто не попасть, куртка с лягушками тут не поможет. На операционный второй этаж и в саму реанимацию электронный пропуск нужен. Будем смотреть правде в глаза: нам с тобой его никто не даст.

– В морг-то мы с тобой в конце концов попали, правда? А чем реанимация лучше? Я бы даже сказала, что там хуже. В морге хотя бы компания была веселая. В общем, Башмачков, въезжай скорее, не тупи. Мы с тобой по-прежнему – два бестолковых практиканта, которые все путают, всем мешают и крутятся у всех под ногами. Выворачивай свою куртку с лягушками подкладкой вверх и застегивай ее криво, начиная с первой пуговицы.

– Это еще зачем? – не понял Башмачков.

– Не понял? Чтобы за полных идиотов сойти! Ну, таких туповатых интернов, которые вечно везде опаздывают, все путают и даже собственные дурацкие костюмы привести в порядок не могут. От таких чудил проще отмахнуться, чем что-то у них выяснять. Таким, как говорили во времена моей молодости, «легче дать, чем спорить». В общем, Башмачков, чем хуже мы выглядим – тем лучше. Я еще два хвостика на голове завяжу и шапочку на лоб нахлобучу, чтобы уже совсем не возникло вопросов о моей адекватности. А вообще-то, дорогой друг, у меня уже началась предстартовая лихорадка. Очень хочется трезвым взглядом, без наркоза, взглянуть на то гребанное гестапо, где я сутки валялась, связанная по рукам и ногам. Да еще и с кляпом во рту! К тому же терпела хамские реплики этой самой Мухи. Сволочное место, прости господи! Короче, хорош, трепаться, поехали, Гагарин!

Как ни странно, в этот раз проблем с каталкой не возникло. В закутке возле столовой стояло несколько запасных «транспортных средств», грузовой лифт, к счастью, находился неподалеку, даже в коридоре в этот час никого не было... В общем, первая часть операции прошла на удивление успешно. На операционном этаже Лине и Башмачкову также неожиданно повезло. Прямо перед ними врач и сестра, приложив к двери электронный ключ, вкатили в операционную очередного пациента. Не успели они захлопнуть дверь, как Лина завопила деловым тоном:

– Пожалуйста, не закрывайте дверь, нам начальство велело забрать пациента из реанимации.

Врач на ее крики даже не обернулся, а медицинская сестра любезно придержала дверь ногой, пока они вкатывали в операционное отделение пустую каталку. К счастью, их никто не видел. Навстречу попался лишь какой-то медбрат в помятом халате, но он очень спешил и не обратил на Лину и Башмачкова никакого внимания.

– Легко сказать: «Забрать из реанимации», – подала голос Лина, когда другая бригада скрылась из вида. – А где ее тут искать, эту скорбную обитель связанных доходяг?

– Мы сейчас похожи на диверсантов, заброшенных в тыл врага и забывших карту на родине. – хохотнул Башмачков. – Главное – идти уверенной походкой и внимательно читать надписи на дверях. Вот видишь: 1-я операционная, 2-я операционная... Где же эта чертова реанимация?

– Башмачков, тихо! Смотри, в конце коридора приоткрыта дверь. Вон та, без таблички. Буду Волочковой, если это не реанимация... Двигай туда! Только аккуратнее, не спались! Главное, не пялся по сторонам, мы не на экскурсии.

Лина и Башмачков развернули пустую каталку и спрятались за колонной возле приоткрытой двери.

За дверью было тихо. Они постояли пару минут, затем Лина отделилась от стены и, прокраившись на цыпочках, заглянула в большой зал. На двух кроватях лежали прооперированные

пациенты. К каждому тянулись провода от приборов, а от ртов пациентов отходили гофрированные трубки, похожие на узкие слоновьи хоботы, они присоединялись к аппаратам искусственной вентиляции легких. Пациенты не шевелились, поскольку руки-ноги у них, как еще недавно у Лины, были привязаны к койкам.

– Странно, врачей вообще не видно, – шепнула Лина Башмачкову, вернувшись в коридор. Пойдем еще раз посмотрим. Только держи, пожалуйста, язык за зубами. Больные в реанимации, хоть и не разговаривают, однако все видят и все слышат, это я по себе знаю.

Лина и Башмачков, стараясь ступать как можно тише, вошли в реанимационное отделение. Лина почувствовала, как по спине потекла тонкая струйка пота.

– Ничего не понимаю, – прошептала она на ухо Башмачков, – где врачи и сестры? Мне казалось, что больных в реанимации без присмотра не оставляют. Велика опасность, что прооперированные больные все разом помирать начнут, и тогда многочасовая работа нескольких бригад хирургов пойдет насмарку.

Лина заглянула за ширму и едва сдержала крик. Она ущипнула себя. Нет, наверное, показалось. Лина схватила Башмачкова за руку и потянула за собой. Через секунду напарник сжал ее руку так сильно, что Лина тихо ойкнула. На полу лежал молодой мужчина в зеленом хирургическом костюме. Его открытые светлые глаза смотрели на Лину и Башмачкова с укором и удивлением. На куртке покойного был приколот бейджик: Константин Петрович Могильный, врач-реаниматолог.

Башмачков стоял и молча смотрел на тело того, кто еще недавно был тем самым врачом-реаниматологом. Сейчас ни один профессор уже не смог бы вернуть доктора Могильного к жизни даже с помощью новейших приборов и чудодейственных капельниц.

– Эй, писатель, чего застыл, как под наркозом, надо срочно когти рвать! – зашипела Лина и потянула Башмачкова в коридор. – Забыл, что мы здесь на птичьих правах? Еще решат, что это мы с тобой его замочили.

Она пнула носком ноги какой-то легкий предмет и автоматически сунула его в карман.

Башмачкова два раза уговаривать не пришлось. Схватив для маскировки пустую каталку, два самозванных эскулапа осторожно выбрались в коридор, стремительно добрались до лифта, опустились на свой этаж, пристроили каталку в той же нише, а потом все тем же путем прокрались в палату. На все-про все Лине с Башмачковым потребовалось не больше пятнадцати минут. Лина с удовлетворением отметила про себя, что сестринский пост по-прежнему пуст и, похоже, их никто не видел.

– Уф, ну ты и даешь, старуха! Такие страсти-мордасти после операции для тебя явно лишние Хвоста не было? – забеспокоился Башмачков.

– Вроде, нет, – задумчиво проговорила Лина. – Зато мы первыми увидели этого бедолагу Могильного.

– Да уж, фамилия Могильный – не самая подходящая для врача-реаниматолога. – философски изрек Башмачков.

– Не в фамилии дело, – Лина внимательно взглянула на напарника. – Константин Петрович... Костя... Башмачков, да это же тот самый Костян, который с Мухой тогда дежурил! Он еще своим визгливым тенорком ее осаживал, постоянно на с небес на землю спускал. Интересно, что с ним случилось? Неужели сердце? Вскрытие покажет. Доктора нередко сами болеют тем, от чего лечат. Даже примета у них такая.

– А как же пациенты? – забеспокоился Башмачков. – Они же там сейчас совсем одни.

– Не волнуйся, в реанимацию постоянно кого-то привозят из соседних операционных, к тому же туда то и дело заходят врачи и больничное начальство. В общем, с минуты на минуту Костяна найдут. Представляю, как все забегают, потом заберут его в морг и тут же отыщут кого-нибудь ему на замену. Жаль только, что мы уже ни о чем спросить его не сможем. Тонкая ниточка, ведущая к Мухе, оборвалась навсегда. О, слышишь, Башмачков, в коридоре уже о

чем-то перетирают? Наверное, «сарафанное радио» только что донесло в наше отделение свежую новость из морга...

Лина осторожно выглянула из палаты. Медсестра Танечка застыла на сестринском посту с таинственным видом. Она сейчас была похожа на роженицу, которая беременна сенсационной новостью. Две другие медицинские сестры из ее смены были с утра заняты на процедурах и, разумеется, оказались не в курсе последних событий. Им явно было не до Лины.

– Девчонки, помните доктора Константина из реанимации? – спросила Танечка злоевещим шепотом.

Медсестры уставились на Танечку любопытными взглядами.

– Конечно, помним! У нас неженатые доктора все наперечет! – хихикнула худенькая Валечка в голубом медицинском костюмчике, ловко подогнанном по изящной фигурке.

– А что с ним? – поинтересовалась практичная Альфия в разовом медицинском костюме, не забыв одновременно бросить взгляд в зеркало, спрятанное на сестринском посту под крышечкой стойки.

– Наш Омар Омарыч только что отвозил пациента в реанимацию и нашел Константина на полу. Мертвым. Уже вызвали полицию. Говорят, труп только что отправили на судебную экспертизу.

– А в реанимации кого из докторов оставили?

– Хотели, говорят, вызвать Мухину, но найти не смогли. Вроде бы, она взяла отпуск за свой счет и куда-то уехала. У нас всегда так: стоит уйти кому-нибудь в отпуск, и тут же что-то случается. У меня все, – завершила Танечка свое сенсационное сообщение и поднялась со стула:

– В общем, пошла я, пора уколы делать, а вы, девчонки, не болтайте тут лишнего. Омар Омарыч меня строго предупредил. Не дай бог, до пациентов дойдут слухи о смерти доктора в реанимации... Короче, такой негатив ни к чему. Рустам Маратович сказал, что, если информация просочится в прессу, репутации нашей клиники будет нанесен серьезный урон.

Лина прикрыла дверь в коридор и тихонько спросила.

– Как ты думаешь, Башмачков, этот Костян сам умер, или же ему помогли?

– Думаю, сам. Да кому он сдался, этот твой Могильный? – пожал плечами Башмачков. – Этой назойливой Мухе, что ли?

– Ты же сам только что слышал, что доктор Мухина в отпуске.

– Видишь ли, роковая роль Мухи в жизни Бармина у меня теперь вообще под вопросом. Врачу, даже если он в отпуске, не так-то просто попасть в клинику. Его пропуск автоматически блокируется на две недели. Вообще-то в этой клинике пропускная система – как в каком-нибудь атомном центре. Мышь не проскользнет!

– Окстись, Башмачков! Мы же в России, а не в законопослушной Германии! Всегда можно попросить знакомую докторшу заказать пропуск или умолить примелькавшегося охранника пропустить в клинику без этой дурацкой карточки, потому что, дескать, пропуск остался лежать в отделении. К тому же, местные охранники врачей и сестер помнит в лицо...

– В любом случае, судебные медики быстро определяют, отчего умер Константин. Мы с тобой его видели всего несколько секунд и за это время никаких следов насилия на его голове и теле не заметили. Может, и вправду это был сердечный приступ?

– Не сбрасывай со счетов яды, – задумчиво проговорила Лина. – Уж кто-то, а медики в них разбираются. Ты знаешь, Башмачков, я должна кое-что тебе показать. На всякий случай я сунула в карман медицинского халата, позаимствованного у Танечки, пластиковый стаканчик. Он там валялся на полу, и я зачем-то решила его прихватить. Ты можешь передать его твоим знакомым судмедэкспертам в лабораторию?

– Ну ты ваще жжешь, Ангелина Викторовна! – простонал Башмачков, однако Лине показалось, что в его глазах мелькнуло искреннее восхищение. – Мои друзья смогут заняться твоим

вторсырьем даже не завтра и не послезавтра, а только когда у них появится свободное время. В общем, подруга, давай договоримся по-взрослому. Ты сейчас отдаешь мне этот «особо ценный» стакан и навсегда успокаиваешься с расследованиями. Короче говоря, тихо-мирно готовишься к выписке. Обещаю, я завтра же отдам твой «особо ценный» вещдок знакомым ребятам в полицейскую лабораторию. Ну, а сейчас я отправлюсь в сортир и стяну с себя этих дурацких лягушек. Честно говоря, я устал уже в этом маскараде участвовать.

– Ну да, это тебе не готические романчики кропать, тут головой думать надо, – проворчала Лина и, дождавшись, когда приятель примет нормальный вид, вежливо, но твердо выпроводила его из отделения.

Рыжий ангел в белом халате

Марианна Мухина была в отличном настроении. Надо сказать, в последнее время это случалось с ней нечасто. Доктор Мухина радовалась, что впереди забрезжили хоть какие-то приятные перемены. Надоевшие дежурства временно прекратятся, и, возможно, в ее жизни наступит счастливая полоса. Марианна давно поняла, что люди делятся на тех, кто рискует, и на тех, кто боится малейших перемен в налаженной, хоть убогой и давно постылой жизни. Марианна Мухина относилась к первому типу людей и не собиралась застревать на выматывающей работе, с которой у нее давно не было взаимности.

Марианне Мухиной давно казалось, что она проживает чужую жизнь. Это неприятное и тревожное чувство не покидало ее ни на работе, ни в общественном транспорте, ни дома. Размышляя, как изменить судьбу, и не находя ответа, Марианна, словно во сне, ходила на дежурства, покупала продукты, сидела в социальных сетях, но давно уже это не приносило ни удовлетворения, ни куража, ни радости. Не говоря уже о том, что на работе платили намного меньше, чем требовалось молодой и красивой девушке для счастливой и достойной, в ее понимании, жизни. Доктор Мухина каждой клеточкой своего стройного тела и даже души, в существование которой она, правда, не верила, чувствовала, что дни пробегают все быстрее и все бессмысленнее. Словно она едет по рельсам, проложенным по замкнутому кругу, в вагоне детской железной дороги, а за окнами мелькают какие-то убогие детские площадки, пыльные деревья и орущие малыши, которые падают на землю и требуют у мамаш, чтобы поезд прибыл немедленно. Марианна решила дожидаться подходящего момента и спрыгнуть во что бы то ни стало из этого воображаемого маленького и тесного вагона, который никогда не привезет ее в город мечты...

Иннокентий Бармин очнулся в светлой большой комнате и слабо застонал. Руки и ноги онемели, шея затекла. Сколько же часов он проспал в одной позе?

– Доброе утро! – проворковала докторша в белом коротком халатике. Из-под ее хирургической шапочки выбивалась кокетливая рыжая прядь, а глаза теплого, медового цвета, смотрели с ласковым вниманием.

– Где я? – тихо поинтересовался старик.

– Иннокентий Михайлович, миленький. Не волнуйтесь! Вас перевели в реабилитационное отделение. – ласково отозвалась рыжая врачиха. – Вам все еще необходим постоянный медицинский уход. Словом, домой еще рано.

— А почему я не помню, как попал сюда? – продолжал осторожные расспросы Бармин.

– Потому что вы пока еще очень слабы, дорогой мой Иннокентий Михайлович. Пришлось сделать вам небольшой укольчик, чтобы вы легче перенесли переезд в другое крыло клиники.

– И все же... Как вас зовут, доктор? – не унимался старик. – Ваш дивный «укольчик» начисто отбил память. Хочется верить, что временно.

– Я ваш ангел-хранитель, – кокетливо улыбнулась девушка. – Вам не о чем волноваться, я обещаю сделать все, что в моих силах.

– А имя у ангела хотя бы есть? – настаивал Бармин.

– Вы можете звать меня просто Мэри, – улыбнулась красавица.

– Да-да, Мэри, начинаю вспоминать, где я вас видел. Во-всяком случае, вы доктор и работаете в этой клинике, это уже кое-что.

Голос Бармина звучал уже не так тревожно, а взгляд смягчился, перестал быть подозрительным.

– После долгого наркоза память нередко вытворяет странные штуки, – терпеливо, как ребенка, успокаивала его девушка низким бархатным голосом. – Впрочем, у нас в клинике нетрудно ошибиться. В медицинских костюмах и в этих шапочках мы все похожи, как близнецы. Я сама, между прочим, нередко путаю коллег со спины.

– Мэри, а где мой мобильный телефон? – внезапно вспомнил Бармин.

– Не волнуйтесь, ради бога, он в надежном месте, – девушка погладила руку Бармина своей прохладной и тонкой, почти прозрачной ручкой с красивыми длинными пальцами и ухоженными розовыми ногтями. – Вам нельзя ни о чем переживать и не стоит пока долго разговаривать по телефону. Скажите, с кем вы хотите связаться, и я отправлю СМС с просьбой вам позвонить.

– Эх, Мэри, одиночество страшная штука. Не с кем мне особенно связываться, – вздохнул старик. – Дочка далеко...

– У вас есть дочь? – искренне удивилась девушка. – Почему же она не навестила отца хоть разок в отделении? Странно, что вы не внесли ее фамилию в медицинские документы...

– К сожалению, Верочка давно уже живет за границей, – вздохнул старик. – Оттуда, сами понимаете, не так просто выбраться, особенно когда есть муж, ребенок, работа...

– Не переживайте, – проворковала девушка, – о вас теперь есть кому позаботиться.

Докторша сняла шапочку, и красивые рыжие волосы рассыпались по плечам. От Марианны не укрылось впечатление, которое она произвела на старика. Она улыбнулась и заботливо поправила пациенту одеяло.

– Вы такая добрая, Мэри, – растрогался старик. – Помните, у Пушкина есть стихи: «Пью за здоровье Мэри, милой Мэри моей, доброй, ласковой Мэри!». Мне тоже хотелось бы выпить за ваше здоровье. Раз шампанское пока нельзя, согласился бы на минеральную водичку без газа или сок.

– Гранатовый вам сейчас лучше всего! – обрадовалась Мэри и поднесла старику стакан, в котором искрился на солнце напиток красивого винного цвета.

Бармин поцеловал рыжеволосому «ангелу-хранителю» прохладную узкую ладонь и блаженно закрыл глаза...

Марианна Мухина в отличие от Омара Омарыча никогда не мечтала быть врачом, эта массовая профессия с детства казалась ей скучной, малооплачиваемой и слишком обыденной. Впрочем, никаких особенных талантов у школьницы Мухиной тоже не наблюдалось, посему судьбу ее решило то житейское обстоятельство, что родная тетя девочки работала в медицинском институте. В тот год тетя заседала в приемной комиссии, и это был реальный шанс попасть в вуз со скромными баллами. Мать Марианны, участковый терапевт из районной поликлиники, давным-давно состоявшая в разводе с отцом, сказала, что династии в медицине приветствуются, во всяком случае – врачей в стране всегда не хватает. В конце концов, не все ли равно, где учиться, главное – где потом работать...

Первый год занятий показался Марианне беспросветно скучным, но она старательно зубрила учебники и исправно посещала даже те лекции, с которых веселые троечники так и норовили улизнуть. Авторитет тети и ее незримое присутствие в коридорах вуза все еще действовали на Марианну, как гипноз. Но вскоре случилось событие, временно примирившее девушку с медициной.

После первого курса студентов медицинского отправили на сестринскую практику в молодежный творческий лагерь, где ставили спектакли и отдыхали студенты театрального. Начальство обоих вузов решило, что у непоседливых артистов наверняка будут шишки, ссадины и другие травмы, а будущие врачи смогут на них хорошенько попрактиковаться. Там Мухина окончательно убедилась, что где-то есть другая – яркая и блистательная жизнь. Вечерние посиделки и капустники, бесконечные байки и розыгрыши – все это было так непохоже на беспросветную и тоскливую учебу в медицинском! Будущие актрисы уже вполне овладели наукой кокетства, одевались моднее и ярче, чем зубрили-медички, вокруг них так и вились перспективные поклонники. За некоторыми девушками по выходным приезжали симпатичные парни на крутых иномарках, кое-кто из начинающих актрис собирался продолжить летний

отдых за границей... Все это было так непохоже на жизнь мамы – скромного участкового врача из районной поликлиники, много лет носившей одно и то же немаркое пальтишко и темно-синюю вязанную шапочку... Да и тетя из медвуза недалеко от нее ушла, хотя и успевала следить за модой в рамках распродаж китайских товаров.

Смена в студенческом лагере закончилась неожиданно быстро. В последний вечер все напились и клялись друг другу в вечной любви. Марианна подумала, что ничего более интересного в ее жизни, наверное, уже не будет. Невозможно вести богемную жизнь, не заслужив на нее право тяжелой работой на сцене или на съемочной площадке, иначе будни превращаются в заурядную пьянку и бесконечный треп унылых персонажей с нереализованными амбициями. Понятно, что становится пьяницей и никчемной болтуньей в планы начинающей медички не входило.

Наутро все разговоры будущих артистов были только про кастинги и съемки, и Марианна поняла, что этой новой, блистательной и захватывающей, как тогда казалось, жизни, ей нет места. Вот так Мухина решила доучиться в своем втором меде, попасть в престижную клинику – а там, дескать, видно будет. Довольно скоро Марианна поняла, что для нее, молодого и красивого доктора, скучные будни клиники порой таят в себе волнующие перспективы. Мужчины в эту известную клинику попадают самые разные, часто очень обеспеченные, и надо просто дождаться своего часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.